
ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На строительной площадке Воткинской ГЭС. Сварка арматуры для строящегося бетонного завода. На переднем плане работают электросварщик П. П. Зырянов и арматурщик М. И. Ложкин.

Фото М. Савина.

На первой странице обложки: Прощай школьный трактор! Выпускники Шиловской десятилетки в Рязанской области Юрий Антонов и Юрий Охотников, получившие в школе специальность трактористов (см. в номере «Рязанский вариант»).

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Десятиклассники московской школы № 49 Леонид Шепурев, Марина Бобровникова и Алексей Куцков готовятся к экзаменам.

Фото Галины Санько.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 25 (1618) 15 ИЮНЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Уборка ячменя в колхозе имени Ханлара, Маштагинского района, Азербайджанской ССР. На поле — агрегат комбайнера Ягуба Дадашева.

ЖАТВА

Близок день, когда в стране развернется самая ответственная пора сельскохозяйственных работ. Жатва не за горами! На юге она уже началась. Первые тысячи гектаров зерновых убраны в Узбекистане. Вышли комбайны на поля азербайджанских колхозов. Комбайны эти в нынешнем году впервые ведут колхозные механизаторы: машины закуплены артелями.

Нынешняя весна была первой весной работы по-новому. Она убедительно показала, какие широкие горизонты, неиспользованные резервы, огромное поле для инициативы тружеников села открыли решения февральского Пленума ЦК КПСС и Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС. В еще большей мере это скажется в страдную пору уборки урожая. Колхозные механизаторы, вступая в социалистическое соревнование, берут высокие обязательства.

Прием зерна из бункера комбайна в автомашину.
Фото Ф. Шевцова.

Король Непала Махендра нанес визит К. Е. Ворошилову.

Пребывание в Советском Союзе короля и королевы Непала

В Советском Союзе гостят прибывшие 4 июня по приглашению Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова Его Величество король Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева и Ее Величество королева Ратна Раджия Лакшми Деви Шах.

В Москве король и королева Непала нанесли визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову, посетили Мавзолей В. И. Ленина и И. В. Сталина, осмотрели исторические и архитектурные памятники Московского Кремля, побывали в Государственной Третьяковской галерее, на Всесоюзных сельскохозяйственной и промышленной выставках, на авиационном заводе. 7 июня высокие гости отправились в поездку по Советскому Союзу.

Гости из Непала в Государственной Третьяковской галерее.

Фото А. Гостева.

Король и королева посетили сельхозартель «Родина», Киево-Святошинского района. На снимке: король, королева и сопровождающие их лица направляются в гости к доярке Герою Социалистического Труда Т. А. Наливайко.

Фото В. Янкова (ТАСС).

Спектакли и встречи

С большим успехом проходят в Москве гастроли артистов балетной труппы «Гранд-опера». В свободное время наши гости знакомятся с Москвой и Подмосковьем.

В Загорске. Во время экскурсии в Троице-Сергиевой лавре. На переднем плане балерина Клод Но.

«Жизель» А. Адана в исполнении артистов балета «Гранд-опера». Жизель — Иветт Шовире, Альберт — Юлий Алгаров.

Фото Е. Умнова.

Нас—полпланеты!

«Здравствуйте, московские подруги! Мы восхищены вашей страной, вашей свободной, полнокровной жизнью!»— эти слова были самыми популярными во время встречи в Кремле.

Г. ШЕРГОВА

Обычно, когда люди возвращаются с международных конгрессов, журналисты задают им неизбежный вопрос: какие встречи произвели на вас наибольшее впечатление?

И, разумеется, в Георгиевском зале Кремля, где московские женщины встретились с делегатками IV конгресса Международной демократической федерации женщин, проходившего в начале июня в Вене, слышался этот вопрос. Гостей-делегаток из разных стран было много, поэтому и ответы были самые разнообразные. И все-таки на этот раз в рассказах гостей была одна необычная черта: они говорили о встречах с теми, кто не приехал в Вену. Именно эти встречи запали в сердце острее и незабываемее.

Сотни женщин Алжира пробирались по военным дорогам своей родины, неся в корзинах провиант, патроны и медикаменты для сражающихся мужей и братьев. Через каждые сто метров их ждал вражеский патруль. Каждые сто метров были переходом через границу жизни и смерти. Но женщины шли. Дороги не вели их в Вену, но в Вене на разных языках подруги прославляли их мужество.

Говорили делегатки конгресса, и присутствующим казалось, что в Софиен-зал входят вереницы кубинок, облаченных в глубокий траур. Эту одежду женщины Кубы сделали для себя повседневной. Это не просто скорбь по расстрелянным и уничтоженным в тюрьмах близким, не только траур по страдающей родине,— эти одежды женщины Кубы несли как флаг протеста против предательской политики диктатора.

В далеком Камеруне у свежей могилы сидела женщина. Земля погребла двух ее малолетних дочек, над которыми надругались колонизаторы, а потом убили их. Женщина не могла подняться: горе прижало ее к земле; но тем, кто слышал о ее трагедии, казалось, что и она с тысячами своих униженных и страдающих подруг из Черной Африки пришла в Софиен-зал.

Да, миллионы женщин сошлись незримо в Вене, поручив своим соратницам заявить на весь мир, что женщины земли требуют мира, счастья для своих детей, равноправия. И жизни. В этом слове, которое стало девизом главной конференции конгресса — «Конференции в защиту жизни»,— слилось то, о чем мечтают, за что борются те, кто дает человечеству жизнь,— женщины.

Но в наш век во многих краях земли слова «мечта» и «борьба» идут как солдаты в одном строю. Поэтому женщины больше всего говорили о борьбе.

Борьба за мир одинаково непреклонна и целеустремленна — льется ли кровь в этих битвах или нет. И для мира важны и подвиги алжирок, взрывающих склады боеприпасов врага, и молчаливые манифестации австралийских женщин, на фартуках которых начертаны слова, призывающие остановить испытания атомного оружия.

Об этой бескровной, но трудной борьбе рассказала мне Мэри Лестер, женщина из Австралии, одна из тех, кто говорил с трибуны Кремля с московскими подругами.

Линия фронта этой борьбы проходила по улицам Мельбурна, когда каждый понедельник в течение четырех месяцев там появлялись женщины с плакатами, говорящими о том, что люди не согласны с внешней политикой правительства.

Тогда прохожие аплодировали им.

Оружием бойцов этой армии были петиции, которые женщины послали в парламент, с требованием охранить будущее их детей, улучшить условия жизни. Снарядами этого оружия были десятки тысяч подписей австралийских женщин.

Организаторы из Союза австралийских женщин собрали эти подписи, переходя из дома в дом. Они устанавливали свои столы у пунктов, где производились прививки против полиомиелита, и каждую приходящую мать спрашивали: «Ты хочешь, чтобы твой ребенок был жив? Поставь свою подпись».

Один из безвестных бойцов этой армии мира начертал ночью на борту американского военного корабля, стоявшего в Сиднейском порту: «Запретить атомные испытания!».

Женщины были вместе с мужчинами в этой борьбе. И когда одного юношу в Аделаиде оштрафовали за то, что он написал на заборе губернаторского дома призыв к миру, женщины подняли общественное мнение в защиту смелого австралийского патриота. В те дни не замолкал звонок у входной двери, где жил этот юноша: люди несли деньги, чтобы он мог уплатить штраф, они шли, чтобы сказать ему, что большинство австралийцев — с такими, как он, с борцами за мир.

В январе этого года ученые 44 стран подписались под воззванием, в котором говорилось о гибельности для людей последствий атомных испытаний. 350 австралийских ученых поставили свои подписи под ним. Однако официальная пресса не пожелала опубликовать текста воззвания. Тогда женщины сами размножили его и, разнося листовки по домам и заводам, рассказали людям, какая угроза нависла над их кровом.

Да, официальная пресса не склонна популяризировать деятельность бойцов за мир. Сообщения о манифестациях женщин появляются только затем, чтобы осудить их. Но женщины не возражают и против такого освещения их действий: лозунги перепечатываются в газетах, факты волнуют людей, а комментарии уже никого не интересуют.

Так живет и сражается одна, наиболее «мирная» страна. Но их десятки, сотни. А это уже единый фронт. От имени бойцов этого фронта, фронта женщин, говорили делегатки конгресса:

— Нас нельзя побороть. Нас, женщин,— полпланеты! И каждая готова сражаться за жизнь и счастье, потому что их мы дарим людям. Им мы присягаем великой клятвой!

А после митинга для гостей танцевали и пели московские дети. Видите, как восторженно встречали делегатки юных артистов? «Дети рождаются для радости!» — этот призыв женщин мира обрел в этот вечер конкретные формы.

Фото А. Гостева.

В Большом зале Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского после исполнения Одиннадцатой симфонии «1905 год» Д. Шостаковича. В центре — Д. Д. Шостакович и Л. Стоковский.

Фото М. Озерского.

Л. Стоковский в Москве

Имя Леопольда Стоковского известно не только любителям музыки, а для них оно ассоциируется в воображении с образом благородного рыцаря «прекрасной дамы» — музыки, человека творческой принципиальности. Смело и настойчиво устремляется прославленный американский дирижер к подлинно новым произведениям современных композиторов. Со страстной увлеченностью исполняет он классику всех времен и народов, поражая слушателей мудростью и своеобразием толкования. И давно знакомые произведения начинают сверкать новыми красками.

В мае москвичи, ленинградцы, киевляне познакомились с искусством Филадельфийского симфонического оркестра (США), руководимого дирижером Юджином Орманди. Этот оркестр — любимое детище Леопольда Стоковского. В 1912 году он стал за дирижерский пульт тогда еще скромного музыкального коллектива, возглавлял его почти четверть века и принес ему славу одного из лучших оркестров мира...

...Большой зал Московской консерватории. Здесь дал два концерта Леопольд Стоковский, дирижируя симфоническим оркестром Всесоюзного радио. После Пассакалии и Фуги Баха исполнялось задумчивое, лирическое Адажио для струнного оркестра американского композитора С. Барбера. Кульминацией концерта оказалась Одиннадцатая симфония Дмитрия Шостаковича. Величественно и темпераментно было исполнено это монументальное произведение.

— Я давно знаю Шостаковича и давно ценю его творчество,— говорил Стоковский после концерта.— Еще в прошлый мой приезд в Советский Союз, перед войной, я познакомился с этим великим композитором и тогда увез в Америку партитуры трех его симфоний — Первой, Пятой и Шестой. Первым из американских дирижеров стал исполнять я его Одиннадцатую симфонию. Теперь я снова увиделся с композитором.

Стоковский говорит чуть приглушенным, хрипловатым голосом, как бы взвешивая каждое слово:

— Я пламенный почитатель его музыки. Шостакович гениален. Это — большое слово, но и Шостакович — большой человек.

— Мистер Стоковский, с кем из русских композиторов вы встречались, дружили?

— Со многими. Я был большим другом Прокофьева, с которым встречался еще в Париже, и, конечно, Рахманинова. Очень ценю музыку Хачатуряна, Глиэра. Мне кажется, ваша современная музыка достойно и прекрасно развивает музыкальное наследие великих русских композиторов Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, Бородина, Рахманинова.

Вы спрашиваете о моем впечатлении о ваших музыкантах-исполнителях? Великолепно мастерство Гилельса, Ойстраха (я знаю их по выступлениям в Америке). Мне очень хотелось услышать Рихтера, но его нет в Москве. К сожалению, нет сейчас здесь и Ансамбля Советской Армии, о котором я много наслышан.

Прощаясь, Стоковский сказал:

— За свою долгую жизнь я много выступал в разных странах, соприкасался с различными аудиториями. Советские слушатели чудесно чувствуют и понимают музыку, пламенно принимают исполнителей и тем самым помогают им играть. Ваши слушатели — лучшие в мире!

Завершив гастроли в Советском Союзе, я еду в Париж, буду записывать французскую музыку. Затем возвращусь в Америку. И, конечно, буду продолжать знакомить американцев с русской музыкой. Поездки американских музыкантов в Советский Союз, гастроли советских артистов в США — прекрасный вклад в дело укрепления культурных связей между народами Советского Союза и Америки. А это, мне кажется, сейчас самое важное.

Т. КУЛАКОВСКАЯ

Советский цирк с 14 июня по 20 июля выступает в Токио.

Первая группа артистов Московского цирка прибыла в Иокогаму на борту советского парохода «Василий Докучаев».

По прибытии репортерам и фотографам были показаны медведи русского цирка. Возглавляющий труппу Борис Эдер заявил:

— Я надеюсь, что японскому народу понравятся наши представления.

Журналисты аплодируют трюкам медведя.

Фото «Джэпэнпресс».

НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО

В Орехово-Зуеве американскую делегацию химиков угостили рассольником. Это блюдо так понравилось гостям, что они попросили рецепт его приготовления. С традиционным русским хлебосольством встретили американцев и в старом Владимире. Из всех яств, которые гости отведали там, самое большое одобрение вызвала окрошка. И после обеда американцы положили в карманы подробные сведения о составных частях окрошки и способе приготовления кваса.

— Ну что ж, начало обмену технической информацией положено,— шутили советские хозяева, передавая гостям рецепты.

— Мы очень рады, что оно было таким хорошим. Подумать только, как быстро мы получили доступ к секретам производства! — отвечали им в тон американские гости...

Делегация американских химиков приехала в Советский Союз, чтобы познакомиться с производством пластмасс на советских заводах. В составе делегации — президент Общества пластмассовой промышленности Рассел Мэхэни, вице-президент этого общества Уильям Круз, представители крупнейших компаний, занятых производством пластмасс,— Дюпон де Немур энд компани, Юнайтед Стейтс Раббер компани, Блэклайт компани, Эллайд кемикл корпорейшн и других. Американские химики представляют хорошо развитую в Соединенных Штатах отрасль промышленности. Сейчас в Обществе пластмассовой промышленности объединено около тысячи компаний, а общее число компаний, производящих пластмассы и изделия из них, достигает пяти тысяч. В ноябре в США откроется выставка пластических масс, и американские гости надеются увидеть там ответную советскую делегацию. Все это — в осуществление советско-американского соглашения об обменах в области культуры, техники и образования.

Рассела Мэхэни (в центре) интересуют пластмассы не только по его специальности: он собирает пластинки с записями музыки Чайковского. Слева — супруга г-на Мэхэни, справа — Уильям Круз.

...Беседа членов американской делегации с директором Владимирского химзавода Константином Александровичем Филипенко и советскими инженерами продолжалась более часа. Советские и американские специалисты задают друг другу вопросы о масштабах производства пластмасс, о его методах, о стоимости оборудования. Но иногда американцы медлят с ответом.

— Видите ли,— поясняет д-р Бэрк, помощник директора исследовательского отдела Дюпон де Немур энд компани, — метод производства — это собственность компании. Например, моя компания и компания мистера Блаунта, с которой мы конкурируем, выпускают один и тот же вид продукции, но мы не знаем способов производства друг друга.

Клинтон Блаунт кивком головы подтверждает слова представителя конкурирующей компании.

Что ж, секрет так секрет.

Директор приглашает гостей осмотреть завод. Американские специалисты внимательно разглядывают советские образцы пластмасс и изделия из них, производимые на заводе.

Осмотр окончен — гости получили представление о заводе. Глава делегации Рассел Мэхэни записывает в книгу посетителей: «Это чрезвычайно впечатляющий завод, хорошо организованный и возглавляемый способными руководителями...»

Помимо Владимирского завода, американские гости посетили и другие предприятия по производству пластмасс, расположенные вокруг Москвы. Каковы же их первые впечатления?

— Мы побывали на заводах, производящих различные виды пластиков. Оборудование на ваших заводах,— отвечает Уильям Круз, — различное: есть и устаревшее, есть и вполне современное, с марками американских и советских фирм. И то и другое в хорошем состоянии, что свидетельствует о бережном отношении.

В программу пребывания американских специалистов входит посещение некоторых научно-исследовательских институтов, занимающихся проблемами пластических масс. Что же думают американские специалисты о работе советских ученых?

— В вашей стране очень внимательно следят за научными работами других стран,— сказал Теодор Дж. Шевцов из Юнайтед Стейтс Раббер.— Тут нам стоит, пожалуй, у вас поучиться.

— Значит ли это, что научный обмен в области пластмасс представляет интерес только для советской стороны? — спрашиваем мы у американцев.

— Безусловно нет,— категорически отвечает доктор Бэрк.— Было бы глупо с нашей стороны тратить сотни тысяч долларов на то, что уже сделано в России. Мы не можем игнорировать достижения науки в вашей стране. Научный обмен нужен нам обязательно и будет полезен обеим странам.

— Для меня символом новой России является здание Московского университета,— сказал нам Уильям Круз.— Можете поверить, что подобного образовательного учреждения в мире больше нет. И это показывает ту роль, которая отводится у вас науке.

Итак, американские специалисты считают, что эта поездка будет для них полезной. Но как обстоит дело с практическими связями?

Отвечая на этот вопрос, американские гости говорят, что им известно о послании Н. С. Хрущева Президенту Эйзенхауэру. Они называют его «интересным».

— Мы выехали из Штатов раньше, чем стало известно об этом послании,— говорит г-н Круз.— Однако перед отъездом мистер Мэхэни и я посетили наше Министерство торговли и разговаривали там о возможных предложениях, которые нам будут сделаны в Советской России. Министерство обещало нам, что заказы из Советской страны будут рассмотрены благожелательно.

В заключение мы попросили сказать несколько слов главу делегации Рассела Мэхэни.

— Признаться, то, что мы увидели, превзошло наши ожидания. Мы познакомились не только с настоящим, но и с большим будущим этой отрасли промышленности в вашей стране. Мы довольны поездкой. Идея таких визитов очень хороша. Я считаю, что поездка закладывает фундамент для продолжения подобных обменов, и, вернувшись на родину, мы будем ждать приезда к нам советской делегации.

А. СЕРБИН

Фото автора.

ГУАНЬ ХАНЬ-ЦИН.

Портрет работы художника Ли Ху.

ВЕЛИКИЙ КИТАЙСКИЙ ДРАМАТУРГ

В июне этого года прогрессивное человечество отмечает 700-летие начала творческой деятельности великого китайского драматурга XIII века Гуань Хань-цина.

О жизни его сохранилось мало сведений. Известно, что он был высокообразованным человеком; большую часть жизни провел в Пекине, выступал как драматург и актер на подмостках столичной сцены. Всего он создал 66 драматических произведений, из них дошло до нас только восемнадцать. Гуань Хань-цин явился одним из первых создателей жанра реалистической бытовой драмы, составившей золотой фонд китайской драматургии.

Деятельность Гуань Хань-цина протекала в период господства монголов-завоевателей в Китае. Иноземное иго легло тяжелым бременем на плечи не только простого народа, но и китайского ученого сословия, которое вместе с народом делило тяготы и невзгоды тех лет.

В своих пьесах драматург использовал четкую четырехактную форму, резко отличавшуюся от растянутой многочастной южной драмы. Произведения Гуань Хань-цина, как правило, строятся на одном главном образе, раскрывая который драматург показывает картины современности.

В галерее героев Гуань Хань-цина большое место занимают женщины, которые находились тогда в особенно тяжелых условиях. Драматург призывает женщин стать борцами за свою судьбу.

Молодая вдова Доу Э в драме «Обида Доу Э» отвергает грубые притязания местного торговца и предпочитает смерть от руки палача позорному компромиссу со своей совестью. Осуждение самоуправства судейских чиновников, от рук которых погибает невинная Доу Э, отзывалось в сердцах народа, будило его национальную гордость.

В «Беседе у реки» Гуань Хань-цин выступает как мастер комедии. Храбрая, молодая Тань Цзи-эр находит в себе мужество защитить не только себя, но и своего доброго, беспомощного мужа от всесильного придворного чиновника Яна, который, сочинив ложный донос, хочет погубить мужа Тань Цзи-эр, а ее заполучить себе в жены. Иронией и насмешкой над императорским чиновником звучат многие сцены комедии.

Среди лучших произведений драматурга нужно отметить пьесы «Спасение несчастной» и «Сон о гибнущей бабочке». Острота социальных характеристик, высокая художественность и типичность образов, умение воссоздать целую эпоху придавали произведениям Гуань Хань-цина совершенно отчетливое политическое звучание. Его традиции стали характерными чертами всей юаньской драмы, рассказывающей о жизни китайского народа XIII—XIV веков.

Ирина ГАЙДА

Первенство мира по футболу

И грянул бой...

М. МЕРЖАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Никогда еще не приходилось наблюдать столь напряженной атмосферы футбольной горячки, которой охвачена в эти дни почти вся Швеция. Первые признаки «заболевания» можно было заметить еще в удобных креслах самолета, который за три часа доставил нас из Москвы в Стокгольм. Футбол интересовал и пожилого человека, летящего в Канаду, и англичанку, которая недавно повидала игру наших футболистов на стадионе «Динамо», и, наконец, юношу, много читавшего о советских спортсменах в одном из французских журналов.

В Швецию съехались футбольные звезды разной величины. Одни из них давно известны, но слава их уже не соответствует уровню мастерства, другие, наоборот, только что появились на футбольном небосклоне, но блистают ярким талантом. Встреча звезд и есть чемпионат мира по футболу. Он начался 8 июня в Стокгольме матчем Швеции и Мексики. Мы в это время были в местечке Хиндос, близ Гетеборга, на спортивной базе советской команды. Здесь на большом экране телевизора мы видели церемонию открытия VI чемпионата: выступление шведского короля и президента Международной футбольной федерации, парад знаменосцев и, наконец, матч. Он передавался через Копенгаген на всю Европу, и 20 миллионов зрителей могли наблюдать за увлекательной игрой хозяев поля с командой далекой Мексики.

По телевизору трудно составить себе полное представление о матче, но все же показалось, что обе команды играли с напряжением всех сил и красиво. Футбольные историки отметят когда-нибудь, что первый гол в ворота Мексики был забит Агне Симонссоном... носом. Тут же этого футболиста унесли с поля, и врачи довольно быстро остановили кровотечение. Этот же Симонссон забил еще один гол, на сей раз, как и полагается, ногой. Шведы выиграли состязание с сухим счетом — 3:0.

Так начался всемирный чемпионат по футболу.

Когда мы вернулись в Гетеборг — через час после окончания стокгольмского матча,— мальчишки на улицах бойко торговали газетами со снимками и подробными отчетами о только что закончившемся состязании.

В семь часов вечера в семи городах Швеции одновременно начались соревнования других команд. Центральным из них был матч футболистов Англии и Советского Союза. Он состоялся в Гетеборге на только что реконструированном, а по существу, вновь построенном стадионе «Новый Уллеви». 50 тысяч любителей футбола заполнили все трибуны нового спортивного сооружения. В ложе прессы — сотни иностранных корреспондентов и радиокомментаторов. Все с интересом наблюдали за выступлениями гимнастов, но с нетерпением ждали футбола.

Наконец оркестранты, одетые в красные сюртуки и серые брюки, исполнили марш, и под громкие аплодисменты из-под трибун вышли в красных майках наши футболисты и в белых — английские.

Англичане выставили точно тот же состав, в котором они играли в Москве. Советские футболисты изменили состав в нападении и в защите. Капитан советской команды Симонян ввел мяч в игру, и... грянул бой.

Прежде всего можно сказать, что темп состязания был значительно выше темпа, который мы видели в московском матче. Бросалась в глаза комбинационная игра наших нападающих, умение хорошо перемещаться, отдавать мяч друг другу короткими передачами, которые нередко ставили в тупик опытную и подвижную защиту англичан. На сей раз Биллу Райту пришлось играть не только в своей центральной зоне, как это было в Москве, но и бегать на фланги, куда увлекал его Симонян, и помогать своему соратнику Слейтеру, явно упускавшему Валентина Иванова. Защита наша была быстрее в старте, поворотливее, бдительнее и решительнее в столкновении. Особенно выделялся Константин Крижевский. Теперь англичане получили ту атлетическую игру, на которую они сознательно шли.

Гол, забитый Симоняном, оказался единственным до перерыва. Вторая половина матча сразу началась в высоком темпе. Успешный рейд Александра Иванова, сумевшего обвести вратаря Макдональда, закончился вторым мячом в ворота Англии. Но именно после этого английские футболисты пошли на обостренную игру. Неудержимо рвался к нашим воротам Кеван, активно играли оба крайних, Финней и Дуглас. Кевану удалось откинуть один мяч. Воспользовавшись растерянностью Яшина, он спокойным ударом головы послал мяч в зеленую сетку ворот.

Казалось, встреча так и закончится победой советской команды, но за 6 минут до конца судья И. Жолт совершенно неожиданно назначил в наши ворота одиннадцатиметровый штрафной удар. Столкновение английского футболиста с Крижевским за пределами штрафной площадки, к тому же без мяча, было так своеобразно расценено судьей. Штрафной удар без защиты позволил англичанам уравнять счет и уйти от неминуемого поражения.

Итак — 2:2. Обе команды вписали в турнирную таблицу по очку.

В это же время другой участник гетеборгской группы — команда Бразилии — обыграла Австрию со счетом 3:0.

Из остальных результатов следует отметить ничью Венгрии с Уэльсом, важную победу чемпиона мира — команды ФРГ — над Аргентиной, разгромный счет в матче Франция — Парагвай (7:3), наконец, поражение Чехословакии от Северной Ирландии (0:1).

Сейчас еще трудно судить о дальнейших шансах команд. Они прояснятся после 15 июня, когда выявятся победители групп. Но об этом — в следующей корреспонденции.

Отель в Хиндосе, где живут советские футболисты.

Стадион в Буросе — здесь советская команда играла со сборной Австрии.

Весенний день в Таллине

На строительной площадке.

Н. ХРАБРОВА

Зарисовки В. ВЫСОЦКОГО.

Островерхий Таллин многолик и красноречив; камни его — страницы летописей. Недавно эстонские археологи раскопали на Вышгороде остатки сооружений и предметы обихода военного поселения древних эстов тысячелетней давности. В 1154 году арабский географ Идриси описывал город-крепость Колуван на Балтийском море. В древнерусских летописях часто упоминается балтийский торговый город Колывань; ученые предполагают, что славянское это название произошло от эстонского «Калеванлинна» — город Калева. Потом город стал называться Ревелем, а еще позднее — Таллином.

Самая высокая точка на Вышгороде — это Домская кирха, она построена в 1233 году. Предание говорит, что цемент для нее был замешен на десятке миллионов яиц и нескольких миллионах пудов творога — потому она и стоит нерушимо по сей день.

В городе сохранились здания всех последующих столетий. Для любителя старины это настоящий музей под открытым небом; для любителя фольклора — источник романтических народных преданий...

...Когда затихнут в узеньких гулких улочках шаги запоздавших прохожих и темное небо как бы сольется с темной землей, вот тогда-то и нужно идти на озеро Юлемистэ, что лежит за городом на горбу песчаного холма. Там таинственно шумит береговой сосняк, словно в нем ходят и шепчутся герои легенд о необыкновенном озере. Говорят, что в тихий ночной час там можно видеть, как разверзаются озерные воды и из них выходит Старичок. Он спускается в город и ходит по улицам, придирчиво заглядывая под арки длинных, как тоннели, дворов, осматривает площади и пустыри. И горе городу, если в нем нет ни одной новостройки: тогда Старичок рассердится, спустит вниз воды Юлемистэ, и они затопят город, переставший строиться! Вот почему в Таллине всегда идет стройка, — так заканчивалась раньше эта легенда.

Теперь таллинские строители придумали ей новый конец. Они говорят, что Старичок уже добрый десяток лет не спускался в город. Он попросту выглядывает из озера, чтобы узнать о таллинских строительных новостях: совсем не надо никуда ходить, чтобы увидеть стрелы башенных кранов на Тынисмяэ и Морском бульваре, на Тартуском, Пярнуском и Нарвском шоссе, в пригородах. Таллин строится! Старичок может спокойно спать на озерном дне...

Утром, когда солнце усердно золотит таллинские шпили и на улицах жаворонками заливаются трамвайные звонки, в скверы и парки выходят женщины в серых рабочих халатах, с садовыми инструментами и корзинками в руках. Они украшают незабудками, анютиными глазками и левкоями клумбы всех площадей и аллей. Миллионы цветов выращивает для города старый садовод Аугуст Рейтсник в оранжерее, которая находится в Кадриорге — старом таллинском парке. Он очень хорош, этот любимый парк таллинцев. Здесь в узких просветах аллей сияет море и над самой волной возносится в небо крылатый ангел — памятник погибшему кораблю «Русалка». Меж свежей зелени розовеют петровские дворцы, а крохотный домик, где жил непритязательный в быту Петр, прячется за могучими ветвями дубов, посаженных, по преданию, им самим.

Первого мая в Кадриорге был открыт новый памятник — «отцу песни» Фридриху Рейнгольду Крейцвальду, собирателю «Калевипоэга». Скульпторы Мартин Сакс и Эндель Таанилоо изобразили поэта в спокойной, сосредоточенной позе. Узкое, худощавое лицо его живо и вдохновенно, кажется, вот сейчас он чуть поднимет руку и начнет медленно, как научили его народные сказители:

Дай мне гусли, Ванемуйне!
Песнь в уме моем созрела.
О старинных поколеньях
Повесть дать хочу я миру...

В городе много детей, и город любит их. Здесь есть специальные детские ателье, на стенах которых нарисованы сюжеты из сказок Пушкина и Андерсена. На низких столах разложены большие альбомы детской одежды, а в крохотных мягких креслах сидят маленькие модницы и выбирают фасоны.

На лето детей увозят в уютные зеленые таллинские пригороды — Нымме, Пяаскюла, Козе, Пирита, Меривялья.

Здесь мы снова встречаемся со строителями! Более трех тысяч семей таллинцев строят в пригородах свои дома. В центре города, на Тынисмяэ, появился кабинет, где застройщики могут посоветоваться насчет проекта, строительных материалов, обстановки комнат, разведения садов и огородов вокруг домов. Консультируют застройщиков известные архитекторы Март Порт, Пеэтер Тарвас, Алар Котли.

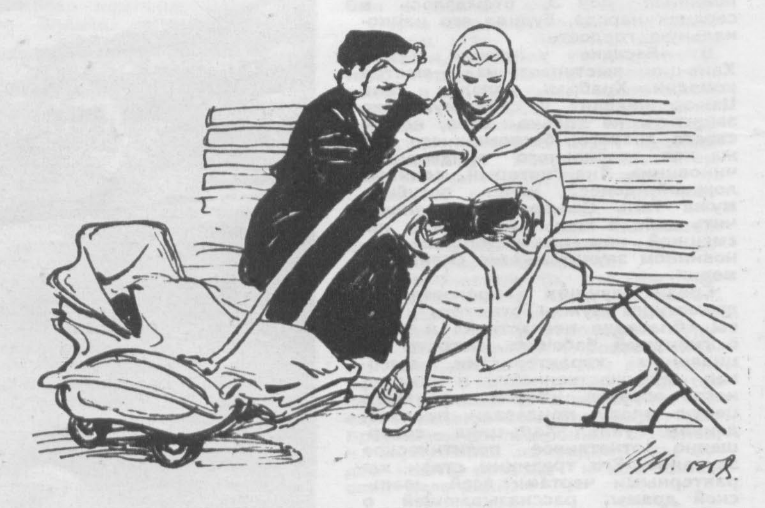

В Таллине много кафе. С утра они наполняют город запахом горячего кофе и сдобных булочек, в них можно быстро и вкусно позавтракать и пообедать, а вечером отдохнуть после рабочего дня, встретиться и поговорить с друзьями. У каждого кафе своя слава: в «Гном» ходят любители хорошего кофе, в «Пэрл» — журналисты и работники книжных магазинов. В Доме художников в уютном кафе с утра до вечера не смолкают творческие споры. В кафе «Таллин» после ремонта появились красивые интерьеры и модная мебель.

Хороши белые ночи в Таллине! Благоухают сирень и черемуха в парках, и кажется, будто кто-то накинул на город легкий, душистый газовый платок...

Старая улочка.

На бульваре.

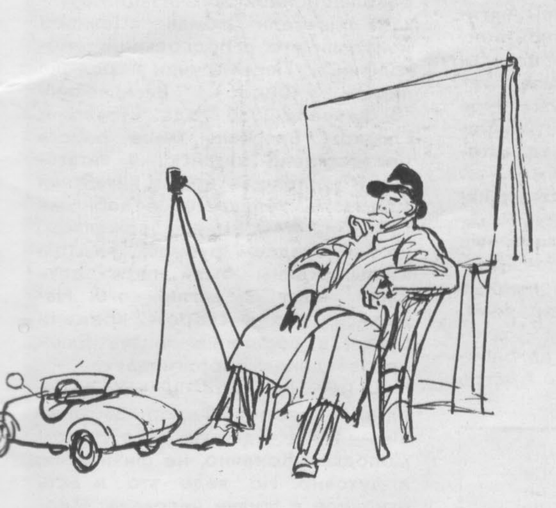
Весенний мотив.

Памятник Фридриху Крейцвальду в Кадриорге.

Школьные завтраки.

В ожидании клиентов.

Май в парке Кадриорг.

Утром.

В 7 часов вечера в кафе «Таллин».

ВЕЧНО ЖИВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Октябрь 1917 года. В Москве идут бои за Советскую власть. Каждый час поступают боевые донесения в Военно-Революционный комитет. Они написаны на клочках бумаги, карандашом, иногда с грамматическими ошибками...

Мы перелистываем документы. Вот одно из донесений — 29 октября, 6 часов: «Арбатская площадь занята юнкерами... В Зубовке идет перестрелка. Хамовнический совет осадили юнкера, атака отбита».

Драгоценные документы бережно сохраняются в архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР.

По этим документам воссоздавалась история борьбы нашего народа за свою свободу и независимость. Писались учебники, рождались многотомные исследования, поэмы, романы, повести...

Исполнилось 40 лет с того дня, как В. И. Ленин подписал декрет «О реорганизации и централизации архивного дела».

Целый городок занимают центральные архивы в Москве. В многоэтажных специально оборудованных зданиях собраны десятки миллионов документов.

Здесь Судебник Ивана III; обращение Степана Разина к народу; декреты о мире и о земле; программа работ по плану ГОЭЛРО с поправками В. И. Ленина; рукописи Лермонтова, Гоголя; нотные записи Глинки, Чайковского; рисунки Репина, акварели Айвазовского...

Мы смотрим папку, в которой хранятся документы на получение ордена Ленина Николаем Островским. Вот письмо Калинину от комсомольской организации Чернигова: «Мы... постановили просить вас, Михаил Иванович, чтобы вы вошли с просьбой в Президиум ЦИК о награждении Островского орденом Ленина».

В другой папке всего лишь короткое заявление на имя комиссара Москвы с просьбой разрешить концерт. И подпись: «Свободный художник С. Рахманинов».

А вот в кожаном с золотистым тиснением переплете — подлинник «Декларации и договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик».

Есть в архиве документы, очень важные для народного хозяйства: о разведках полезных ископаемых, сооружении искусственных водоемов.

Когда строили Каховскую ГЭС, отдел научной информации сообщил данные о прошлых геологических разведках, и не пришлось производить новые изыскания. Государство сэкономило на этом большие суммы.

В Ленинград, осажденный и изнемогающий от голода, зимней дорогой через Ладожское озеро доставили продукты; в глубокий тыл перевезли измученных детей, стариков, раненых. Мало кто знает, что командование, принимая решение строить эту «дорогу жизни», воспользовалось и старинными документами из архива о зимнем пути по озеру.

Т. ТРОИЦКАЯ

«Архивный городок» в Москве.
Фото Б. Знаменского.

ПЕВЕЦ ТРУДА И БОРЬБЫ

«Подлинным писателем современности может быть только тот, кто способен глубоко чувствовать биение пульса нашей эпохи, кто вжился в нее, кто способен не только объяснять ее, но и преображать, не только жить настоящим, но и уметь видеть будущее». Так говорил в 1925 году Федор Гладков, один из зачинателей литературы социалистического реализма. Весь путь, пройденный писателем в литературе более чем за полвека, подтверждает эти слова.

Федор Васильевич Гладков родился семьдесят пять лет назад, 21 июня 1883 года, в глухой деревеньке Чернавке, Саратовской губернии (теперь эти места в Пензенской области). Семья была патриархальная, старообрядческая, поморского согласия. И так как жить в малоземельной деревеньке было «не при чем», мужики иногда целыми семьями уходили в города на заработки. Покинули деревню и родители Гладкова.

Суровую школу труда и борьбы прошел Федор Гладков. С семи лет он узнал каторжную жизнь рабочих рыбных промыслов Волги и Каспия, сельскохозяйственных рабочих моздокских полей, ломовых извозчиков, поденщиц и сезонников кирпичных заводов, жизнь бродяг, босяков и безработных. Уже первые его литературные опыты, рассказы «К свету» и «После работы», написанные в 1900 году, посвящены бесправным и порабощенным людям труда.

Литературная деятельность Гладкова началась еще в то время, когда Л. Толстой и А. Чехов создавали свои бессмертные произведения, когда все громче и громче звучал страстный голос обличения и протеста М. Горького. Он-то и оказал огромное влияние на Гладкова-художника.

Горький одним из первых оценил талант молодого писателя. В 1913 году, познакомившись с рассказом Гладкова «Три в одной землянке», он писал сибирскому литератору В. Анучину: «Рассказ Гл. Байкалова (псевдоним Федора Гладкова.— Ю. П.) очень хорош. Несомненно, автор с большим будущим, несомненно!»

Немало рассказов написал Гладков в дореволюционную пору. Но в полную силу его дарование развернулось только после Великого Октября. Участие в трех революциях и гражданской войне обогатило писателя подлинным знанием души русского рабочего класса, великими ленинскими идеями.

Знаменательным событием в литературе двадцатых годов явился роман Гладкова «Цемент». Он рассказывал о мужестве и героизме рабочих, ставших творцами нового общества. Трудное время переходной поры, когда еще не везде смолкли залпы винтовок и пушек, когда белогвардейские банды совершали зверские налеты на советские города и села, а люди труда уже приступали к восстановлению своего хозяйства, нашло в романе правдивое изображение.

Не менее значительным в литературе стал и роман Гладкова «Энергия» — о жизни строителей социализма в годы первой пятилетки. В годы Отечественной войны писатель создал повесть «Клятва», в которой показал героизм и мужество тружеников тыла. Последнее десятилетие Федор Гладков работает над автобиографическими повестями.

...Мы находимся в рабочем кабинете Федора Васильевича Гладкова. Вдоль стен стоят книжные шкафы. На просторном письменном столе тесно от сложенных стопками газет, журналов, книг, рукописей.

Застали мы писателя за работой. Федор Васильевич быстро встал из-за стола и направился навстречу. Пристально, сурово и в то же время приветливо и тепло глядели его живые серые с голубизной глаза из-под насупленных седых и лохматых бровей. Легко и непринужденно завязалась беседа, время от времени прерываемая сухим покашливанием Федора Васильевича.

— Знаете, что я вам скажу... Для меня всегда самой большой, тяжелой болезнью был самоанализ, доходящий вплоть до самоотрицания! — горячо говорит Федор Васильевич.— Это ужасно тяжело! Но это сыграло большую роль в моей работе...

Такое чувство самокритики, беспощадная требовательность к творчеству характерны для Федора Гладкова. Даже когда книга уже вышла в свет, он не оставляет ее. Десятки раз перерабатывал писатель романы «Цемент» и «Энергия». Тщательно просматривает он каждое свое произведение перед новым изданием.

Книги Гладкова переведены на многие языки народов Советского Союза и народов зарубежных стран. Их издают в Болгарии и Чехословакии, в Китае и Монголии, в Германии и Франции, в Японии и Аргентине.

В 1929 году члены молодежной революционной организации Шанхая перевели роман «Цемент» и издали его в подпольной типографии. Переводчики романа писали Федору Васильевичу 13 февраля 1930 года: «Товарищ Гладков. Впервые Ваша работа представлена китайскому читателю. В настоящее время китайская молодежь увлекается подобными трудами. Мы очень сожалеем, что не владеем русским языком и вынуждены были переводить Вашу книгу с английского. Надеемся, что в скором времени будем в состоянии читать Ваши произведения в оригинале».

— Вот уж мне и семьдесят пять...— говорит Федор Васильевич.— Но я чувствую себя совсем молодым. Конечно, не физически, а духовно. Но ведь это и есть основное в жизни человека. Много еще хочется сделать для своего народа. Хочется рассказать нашей молодежи об ушедшем навсегда прошлом, когда нам, старшему поколению, приходилось испытывать всю тяжесть, все несправедливости капитализма. Очень хочется рассказать о собирании сил рабочего класса накануне революции 1905 года, о борьбе пролетариата под руководством ленинской партии, о событиях первой русской революции. Ведь я сам был очевидцем и участником этих событий... Вот об этом я и пишу в четвертой книге автобиографической эпопеи «Мятежная юность»... Думаю, если не подведет здоровье, скоро завершу книгу...

Юрий ПУХОВ

Более полувека прошло с того дня, когда Федором Васильевичем Гладковым был написан рассказ «Удар», который, по словам автора «Цемента», явился «пробой пера» в начале творческого пути. Написанный в тяжелые годы реакции, после революции 1905 года, рассказ оставил заметный след в биографии писателя. В личном архиве Ф. В. Гладкова сохранилось публикуемое здесь письмо А. И. Куприна по поводу этого рассказа.

Многоуважаемый
Федор Васильевич!

Рассказ Ваш я прочел и с одобрительным отзывом передал его Ф. Д. Батюшкову [1] для дальнейшего направления в редакцию «Современного Мира»...

Перо Вам нечего складывать — говорю не для утешения, а от сердца. Обманывать в таких случаях считаю нечестным. Но в рассказе есть и стороны минуса: мало подчеркнут быт, много громких слов, тема не нова, заглавие незначительно и не объясняет сути. Но все это искупается внутренней теплотой, хорошим языком и искренностью. Если «Удар» [2] и не пройдет, то только потому, что драма захолустного учителя, у которого арестовали сына, может показаться пресной и незначащей в нынешнее время, когда о казненных мы узнаем из газет оптом. «Имена же их ты, господи, вѣси», и это уже больше не волнует общество. Я лично другого мнения, но за мнение редакции ответить заранее не могу.

А писать Вам все-таки надо, если даже паче чаяния и наших стараний теперешний Ваш рассказ не пройдет. Верьте мне, что я лично толкался по годам в двери редакций, и отчаивался, и злобствовал, и плакал... но все образуется.

Жму Вашу руку
А. Куприн

1907 г.

[1] Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920) — историк литературы и критик.
[2] «Удар» (страничка из жизни сельского учителя) — рассказ, впервые напечатан в «Новой газете», в Чите, в 1909 году.

Федор Васильевич ГЛАДКОВ.
Фото С. Фридлянда.

«Огонек».

УТРО В ЛЕСУ.
Фото Е. Умнова.

ОБИЛИЕ КЛИЕНТОВ

Рассказ

Кедар НАТХ

Кедар Натх, прогрессивный индийский писатель, поэт, критик и публицист, родился в крестьянской семье в штате Уттар Прадеш в 1911 году. Первые его стихи были опубликованы в конце 20-х годов. Некоторые стихи вошли в выпущенный в 1956 году Гослитиздатом сборник «Стихи индийских поэтов».

Рисунок В. КЛИМАШИНА.

Очевидно, мастер Рангат Рам увидел мое отражение в высоком потускневшем зеркале, которое стояло на обшарпанном туалетном столике, ибо он перестал стричь клиента, сидевшего в кресле на тонких ножках и по горло закутанного простыней.

— Хэлло, профессор-сахиб! — воскликнул он, оборачиваясь ко мне.

Это экспансивно произнесенное приветствие, в котором явно подчеркивалось мое звание, было рассчитано на то, чтобы произвести впечатление на захудалого клиента и дать ему понять, что здесь, как правило, принимают высокопоставленных и титулованных господ и что исключение, сделанное для такого маловажного посетителя, обязывает его уплатить больше. Кроме того, мастер Рангат Рам знал, как пощекотать мое тщеславие, ибо я был всего лишь простым школьным учителем, и как выудить у меня солидные чаевые сверх той суммы, которую я обычно платил ему за услуги.

Он сделал знак Джагу, своему помощнику, высокому, стройному юноше лет двадцати с тщательно уложенными иссиня-черными кудрями, отчаянно надушенному и причесанному по последнему требованию моды.

— Слушаю, хозяин! — отозвался Джагу.

Отложив свои операции над усами флегматичного косоглазого парня, сидевшего в соседнем кресле, он снял с гвоздя ручное полотенце и швырнул его мастеру Рангат Раму.

— Простите меня, саркар [1].— Лицо мастера Рангат Рама расплылось в самодовольной улыбке. Вытерев пальцы о полотенце, он подошел ко мне и с гостеприимной теплотой потряс мою руку.— Конечно, для такого саркара, как вы, не велика честь пожать руку простого труженика,— добавил он, стараясь по возможности говорить высокопарно, более для того, чтобы показать свои изысканные манеры, чем скромность.

Но прежде, чем я успел произнести в ответ что-нибудь общепринятое, он, казалось, всецело ушел в созерцание своих крепких, густо поросших волосами ног, открытых для всеобщего обозрения.

— Ужасная жара, саркар! — пояснил он звучным низким голосом, будто извиняясь за свое одеяние, широкая улыбка обнажила его крепкие зубы, слегка почерневшие от чрезмерного жевания бетеля [2].— Пот течет, словно лава из вулкана. А мне с моим атлетическим сложением совсем плохо.

Позади него открылась стеклянная дверь, и новый посетитель тихонько уселся на стоящую вдоль стены зеленую скамью; вместе с ним в комнату ворвался обжигающий порыв ветра.

Мастер Рангат Рам тяжело, с отвращением вздохнул и безнадежно поглядел на тихо жужжащий в центре низкого потолка вентилятор с короткими лопастями. Переведи он его на более быстрый темп, и волосы, валявшиеся на полу, взлетели бы в воздух и облепили потное тело. Глаза мастера Рангат Рама презрительно сощурились, и, словно для того, чтобы показать свое атлетическое сложение, он расправил плечи, воротник его расстегнутой рубашки цвета хаки раздвинулся, обнажив покрытую кустистой порослью грудь.

— И вот, профессор-сахиб,— продолжал он, прочистив горло и стряхнув указательным пальцем капли пота с густых бровей,— из-за этого-то дьявольского пламени, которым столь щедро поливает солнце, я и вынужден носить короткие штаны. А этот материал самый удобный. Он тем и хорош, что вбирает в себя пот, словно промокашка. Если б не эта жара, я бы, конечно, носил брюки. Ведь что ни говори, а годы работы с англичанами развили во мне вкус и любовь к изящному. Вы же понимаете меня, не так ли?

Его ясные карие глаза смотрели на меня, и мне оставалось только согласиться.

— Помните, как однажды мы провели с вами время после концерта? Я сидел тогда на самых дорогих местах, билет мне бесплатно предложил владелец кинотеатра, мой хороший знакомый, Вы были ряда на четыре впереди. А потом мы пошли с вами в ресторан «Веселые собаки», где вы были столь щедры и внимательны ко мне. Припоминаете?

— О да! — произнес я. Неизвестно почему, но этот эпизод упоминался всякий раз, когда я заходил в «салон» мастера Рангат Рама, как он упорно именовал свое заведение, предпочитая это более «возвышенное» название грубому слову «парикмахерская».— Но это было около полутора лет тому назад, и...

— Верно, верно,— прервал он меня.— Тогда-то я впервые и рассказал вам историю своей жизни... Мой бог! — мечтательно вздохнув, произнес он по-английски, что, по его мнению, приобщало его к великосветскому обществу, хотя в его произношении английские слова искажались до неузнаваемости.— А помните, каким я был, когда мы возвращались в Лахор? Ну настоящий принц! Ведь тогда все восхищались моими манерами... и, должен сказать, не без зависти... Мой бог! И это действительно было так! Я ведь не преувеличиваю?

— Нет, нет,— улыбнувшись, поспешил я заверить его.

— Да...— продолжал он, словно припоминая.— Было время, все министры и даже губернатор верили каждому моему слову: стоило мне сказать, что сейчас день, и они считали, что день, а если я говорил, что сейчас ночь, они тоже соглашались со мной... А здесь что?.. Разве этот прокаженный Джаландар — город? Эх!.. Это же грязная деревня по сравнению с Лахором. Лахор — вот это город, а?!

И, снова принявшись за окончательно забытого, казалось, им клиента (бедняга так и не успел вставить ни слова протеста), он закидал Джагу вопросами, которые он обычно задавал, когда хотел подавить самомнение окружавших его людей.

— Пришло ли письмо от Сахни?

— Да, хозяин,— ответил верный Джагу и мотнул головой, чтобы прогнать севшую ему на нос ленивую муху. Густой терпкий запах, идущий от его надушенных волос, заполнял убогую конуру, от чего духота казалась еще более невыносимой.

— Чего еще хочет этот дурак? — воскликнул мастер Рангат Рам так, словно ему давно уже надоели все населяющие этот бренный мир.— Очевидно, чтобы я зашел к нему завтра утром?

— Да,— протянул Джагу. Его черные глаза беспокойно бегали, сверкая, как бисеринки, на длинном с ямочкой на подбородке лице, а язык непрестанно облизывал запекшиеся губы.— В восемь.

— Неужели у этих людей нет стыда, что они беспокоят меня в любое время суток? — с негодованием воскликнул мастер Рангат Рам, напыжившись от самодовольства так, что клиент, которого он стриг, с уважением взглянул на него. По глазам мастера было видно, что он доволен произведенным впечатлением.— Вы только подумайте, что делается, саркар,— жаловался он, повышая голос, словно он держал речь на многолюдном митинге.— Сейчас этот Сахни — член городского магистрата. Наверно, уж раз тысячу я говорил ему: «Саркар, почему бы вам не договориться с каким-нибудь другим парикмахером? Ведь у меня теперь так много работы». Но он и слышать ничего не хочет. «Мастер Рангат Рам,— говорит,— где еще я найду такого парикмахера?» Вот скажите мне, профессор-сахиб, сколько дел может делать человек одновременно, особенно если он работает на совесть? Ох, и устал же я от всех этих важных персон! А им все подавай несчастного мастера Рангат Рама, без него они ни стричься, ни бриться не могут. Оставь я их хотя бы на месяц, и они, будьте уверены, с головы до ног зарастут волосами. О, мой бог! — пряча самодовольную улыбку, снова вздохнул он, всем своим видом стараясь показать, как он ужасно измучен.

Он снова засыпал Джагу вопросами.

Оказалось, что кто-то умолял его дать рекомендацию на прием к помощнику комиссара. Другой просил представить его помощнику судьи. Третий умолял мастера Рангат Рама пойти с ним к окружному врачу. Приближались выборы в Народную палату, и единственная в провинции женщина-кандидат Майя Деви прислала ему записку с просьбой взять ее новый джип для пропаганды ее кандидатуры среди избирателей. Один юноша упрашивал мастера Рангат Рама помочь ему уладить домашнюю ссору, да так и ушел ни с чем, прождав более двух часов; а какой-то старик, которому до зарезу нужно было содействие мастера Рангат Рама в переговорах насчет свадьбы его перезревшей внучки, сказал, что придет к нему снова на следующий день. В общем, много было людей, добивавшихся благорасположения Рангат Рама.

— И что за несчастье быть знаменитым! — с невыразимым отчаянием воскликнул мастер Рангат Рам.— Даже врагу своему не пожелал бы я такой пытки! Поверьте, профессор-сахиб, бывают моменты, когда мне становится совершенно невмоготу, и я готов уехать хоть на край света, где бы меня никто не знал и я мог бы жить в спокойствии. Право, однажды вы услышите или прочтете в местных газетах о том, что мастер Рангат Рам таинственно исчез.

Некоторое время он молчал, неистово работая ножницами. Окончив стричь одну сторону головы, он принялся за другую.

— Хоть я и потерял все, что у меня было в Лахоре,— снова начал он спокойным, самодовольным тоном, имея в виду гражданские беспорядки, последовавшие за разделом страны,— я восстановил свою прежнюю репутацию. Надо обладать мужеством и тактом, и тогда вы, вне всякого сомнения, сообразуясь с картой вашего сердца, можете воссоздать свою империю.

Процитировав какое-то стихотворение на урду в подтверждение своей глубокомысленной философии, он кашлянул с важным видом.

[1] Саркар — господин.

[2] Бетель — растение; смесь его пряных листьев с различными специями употребляется для жевания.

— Милостью всевышнего,— продолжал он,— у меня есть кое какие связи. Так что теперь вы смело можете обращаться к этому ничтожному атому пыли, ибо любое дело, которое вы хотите уладить у помощника комиссара, помощника судьи, полицейского инспектора или...

— Не стригите меня так коротко! — дал волю еле сдерживаемому раздражению тощий лысеющий клиент, разглядывавший в зеркало свое лицо с толстыми отвислыми губами и хищным носом.

Мастер Рангат Рам сверкнул ядовитой улыбкой.

— Как желает ваша милость,— ледяным тоном произнес он и, твердо решив отомстить, поклонился с неприкрытой иронией.— Только, мой драгоценнейший господин, мне совершенно не интересно состригать ваши волосы настолько, чтобы видеть под ними ваш мозг. Может быть, это покажется вам странным, но я знаю свое дело и знаю, какому черепу какая нужна стрижка. Вы должны быть счастливы, что я привожу в порядок ваши волосы, так как обычно я отказываюсь от работы над клиентом, который не губернатор, не министр, не корреспондент газеты или какая-нибудь другая знаменитость или известный мастер своего дела, вроде меня. Люди гораздо более высокопоставленные, чем вы, вдохновлялись, глядя на мою работу, и писали о ней стихи. Приходилось ли вам когда-нибудь читать их?

Он плотно сжал губы, стараясь скрыть рвущуюся наружу гордость.

— Вот взгляните сюда, профессор-сахиб,— подошел он ко мне, когда строптивый клиент был уже усмирен.

Я посмотрел на стену, куда указывал его взгляд. Над невзрачной витриной, устроенной в центре потрескавшейся стены, висели дешевые литографии. На одной был изображен Кришна, который игрой на флейте развлекал свою возлюбленную Радху, с нежностью взиравшую на него. На другой — Рама, на его лице играла добрая, слегка застенчивая улыбка, рядом с ним сидел преданный ему Хануман, царь обезьян; хвост Ханумана был гордо загнут кверху, а лапами он разрывал свою грудь, чтобы показать находящееся там изображение бога-создателя. Справа и слева на двух гвоздях с большими шляпками висели гирлянды роз, которые, в знак своего нерушимого хотя и показного почтения к этим двум главным индуистским богам, мастер Рангат Рам покупал каждый день в пять часов утра, прежде чем подойти к двустворчатой двери своего заведения, которую он открывал, воздав предварительно почести Лакшми, богине процветания и богатства, дабы она была благосклонной к его делам.

Несколько дальше висела большая реклама, на которой яркими, кричащими красками была изображена полуголая пышнотелая блондинка-англичанка; транс, навеянный сигаретой Голд Флик, которую она курила, туманил ее сонные глаза длинными ресницами глаза.

— Который же из них? — спросил я, смущенный обилием отзывов в рамках, покрывавших довольно значительную часть пожелтевших, давно нуждающихся в побелке стен.

Может быть, мастер Рангат Рам, часто размышлял я, этими связями с важными людьми пытается преодолеть в себе впитанное с молоком матери чувство социальной неполноценности? Он происходил из семьи потомственных парикмахеров, обычно причислявшихся к одной из самых низших каст. Когда его отец переехал из маленькой деревушки в столичный город Лахор, он, как говорят многие, бесплатно обслуживал высокопоставленных чиновников, выпрашивая у них за это хвалебные отзывы о своей работе.

Умный и искушенный в лести мастер Рангат Рам успешно шествовал по проторенной его отцом дорожке. Ходили слухи, что для получения хвалебного отзыва от какого-нибудь важного лица мастер Рангат Рам готов был даже чистить ему ботинки. На своем великолепно смазанном велосипеде он мотался по своим клиентам, охотясь за положительным отзывом любого человека — от клерка до министра,— лишь бы он стоял хоть немного выше его на лестнице общественной иерархии. Его не смущало, если любезное безразличие к нему заменяло в их душах прочие чувства, притупленные нудной, однообразной работой. Обычно оценка его мастерства излагалась в устойчивых, не меняющихся выражениях. Надо к тому же сказать, что у него было исключительно верное чутье, позволявшее безошибочно определять общественный вес человека. Стоило вам потерпеть в чем-либо неудачу — то ли вас понизили в должности, то ли над вами подшутила судьба,— и вы немедленно теряли уважение в его глазах.

— Вон тот, саркар,— сказал Рангат Рам, указывая глазами и продолжая причесывать своего клиента маленькой расческой.— Это от окружного комиссара, он начальник пяти районов, в каждом из которых до полумиллиона населения. И вы знаете, во всей вселенной есть только два достойных человека, которым я делаю массаж головы: один — окружной комиссар, а второй — вы, профессор-сахиб.

Прикрывшись рукой, он чихнул и продолжал:

— Великолепный мужчина этот окружной комиссар; высокий, темнокожий, весь словно из стали вылит, пьет, как рыба, много и не пьянеет, в общем, чудесный человек. Вот прочтите-ка, что этот парень пишет о вашем покорном слуге, саркар!

«Настоящим удостоверяю,— прочел я,— что Рангат Рам, цирюльник, постриг мне волосы и побрил бороду. Он хороший мастер, морально не испорчен и имеет превосходный характер. Я охотно рекомендую его всякому, кому он может потребоваться».

— О, вы говорите по-английски лучше, чем англичанин, саркар,— сделал мне комплимент мастер Рангат Рам, и из этого замечания каждый мог сделать вывод, что он не только превосходный специалист в области стрижки, но и великолепный знаток английского языка. А затем, когда я по его просьбе перевел это рекомендательное свидетельство на пенджаби для сведения тех, кто присутствовал в парикмахерской, он, очевидно, впервые узнавший содержание текста, важно и торжественно посмотрел на окружающих.

— Профессор-сахиб великолепен! — излил он переполнявшие его чувства.— Он наш господин, наш владыка! — И, подмигнув мне, продолжал: — Правда, старина окружной комиссар забыл поставить перед моим именем необходимый для человека моей профессии титул «мастер» и написать «парикмахер» вместо вульгарного «стригач» — слово, которое, как сказал мне один англичанин, латинского происхождения и означает человека, стригущего коз... Но в таком случае окружной комиссар — козел, ха-ха-ха!.. Не обращайте внимания, это все, конечно, шутки. Он создание моего таланта, и в этом прежде всего дело. У него, я думаю, надо будет взять другое свидетельство. Говоря по правде, в следующий раз я сам собираюсь продиктовать ему, что писать.

Покончив с клиентом, который оторопело разглядывал свое отражение в зеркале, мастер Рангат Рам с быстротой молнии пронесся в угол комнаты. Там, нагнувшись над старой ржавой проволочной корзиной, он принялся отряхивать воротник своей рубашки, к которому и без того не пристало ни одного волоска. Затем он приказал Джагу быстрее пропустить толстобрюхого мужчину средних лет, давно уже дожидавшегося очереди.

Подойдя к столику, стоявшему возле скамьи, он налил в медный бокал воды из глиняного кувшина и залпом выпил, жалуясь на ужасную простуду, которую он схватил прошлой ночью, возвращаясь с праздничной вечеринки. Утром он зашел к окружному врачу, своему клиенту, и тот, бросив всех своих пациентов, тотчас же принял его. Однако простуда у него не прошла.

— Сегодня день вашей стрижки? — улыбнувшись, спросил он наконец меня.

Я молча кивнул и провел рукой по заросшему затылку.

Мастер Рангат Рам, незаменимый брадобрей губернаторов, принцев, министров и прочих могущественных людей, с сожалением подмигнул мне.

— А не могли бы вы, саркар, прийти ко мне в другой раз? — попросил он, глядя на меня своими ясными глазами.— Работа над вашей головой требует внимания и времени, и я не могу сделать ее кое-как.

— Но завтра я на две недели уезжаю в Амритсар,— сказал я, надеясь убедить его этой беззастенчивой ложью.

С подкупающей галантностью он прижал к груди руку и поклонился.

— Если саркар настаивает, я постригу его сейчас же, пусть хоть небо перевернется вверх тормашками и разверзнется земля. Но дело в том, о мой драгоценнейший повелитель, что я ужасно устал. Прошлой ночью мне пришлось присутствовать на солидной выпивке у окружного комиссара и...

— Потому-то у хозяина и глаза такие красные,— поддержал Джагу.

— На этой вечеринке, профессор-сахиб,— продолжал мастер Рангат Рам, глаза которого сверкнули — настолько своевременным было это ловкое замечание Джагу,— на этой вечеринке я пил, как крокодил. И все шотландское виски «Белая лошадь». Какого вы мнения о «Белой лошади», саркар? — спросил он.

— Это виски должно было вам понравиться.

— Да, вы угадали, хотя должен сказать, что оно слабо берет,— презрительно чмокнул он губами.— Я принадлежу к тем, кто предпочитает более крепкие напитки, домашнего приготовления. Конечно, «Белая лошадь» — хорошая штука, но при всех своих достоинствах оно не крепче жидкого чая.

Едва он произнес это, как на лице его появилось какое-то смущенное выражение: он испугался, как бы неблагоразумным упоминанием о своей приверженности к дешевой запрещенной водке не подорвать своего престижа. А тут еще и Джагу смотрел на него восхищенным взглядом.

— Нет, нет, саркар, не в этом дело! — громко засмеялся он, преодолевая смущение и неловкость.— Все это от того, что я очень долго пил только шотландское и другие марки европейского виски, так что теперь они вряд ли могут одолеть меня. И все-таки среди этих виски есть мои любимые, особенно «Белая лошадь» и «Черное белое».

Я понимающе кивнул головой.

— А прошлой ночью я выхлестал так много — почти три полные бутылки, и все неразбавленное, так что чувствую себя сегодня каким-то вялым. Перед этим я угощался английской стряпней и отдал должное так называемым стильным танцам.

— Неужели вы танцевали, хозяин? — доверчиво спросил Джагу.

— Кто, я? — расхохотался мастер Рангат Рам. Вопрос явно рассмешил его.— Сынок, а чем я, по-твоему, занимался всю свою жизнь? Да я и сейчас люблю танцы, хотя теперь они уже не доставляют мне такого удовольствия. А, бывало, в Лахоре и дня не проходило, чтобы я не танцевал, и все с английскими леди, в богатых клубах, куда меня постоянно приглашали мои высокопоставленные клиенты... Случалось и так, что без меня они ни за что не хотели приступать к кофе или выпивке... А женщины, что это были за женщины!.. Хватишь бутылки четыре «Белой лошади», неразбавленного, посадишь на плечи сразу двух английских леди — и давай танцевать с ними. А они смеются, кричат и говорят тебе разные шикарные словечки. Эх-хэ-хэ! — вздохнул он мечтательно.— Как летит время! Как попугай, а? А ведь мне всего лишь немногим больше тридцати пяти! — И, слегка выпятив губы, он еще раз глубоко вздохнул.

Очевидно, эти беспутные повадки мастера Рангат Рама и сказались на отношении к нему его жены, о чем ходило множество сплетен. Происходившая из семьи прачек — касты, стоявшей несколько выше на социальной лестнице,— она была раза в два объемистей мужа и своими мощными формами напоминала амазонку. Хотя женаты они были более десяти лет, детей у них не было. Жена обвиняла в этом мужа, заводила любовников, но грозила ему публичным скандалом, если он отважится взять вторую жену. Мастер Рангат Рам ужасно боялся супруги, но еще больше страшился потерять репутацию, которую с таким трудом завоевал. Поэтому он трусливо мирился с ее супружеской неверностью.

Однажды он поймал ее на вокзале как раз в тот момент, когда она садилась в делийский экспресс. Мастер Рангат Рам схватил жену за руку и стал умолять ее вернуться, но его

мольбы только укрепляли ее намерение. Его раненая гордость не могла мириться с таким поступком жены, и, доведенный до бешенства, он принялся ругать ее и даже несколько раз ударил. Оба эти вида оружия были с успехом использованы и ею. Кто-то предложил позвать полицию, но мастер Рангат Рам отклонил это нелепое предложение. Но сам-то он ничего не мог поделать. В своей беспомощности он не нашел ничего лучшего, как удариться в слезы. Собравшаяся вокруг них толпа, к счастью, состоявшая преимущественно из транзитных пассажиров, от души потешалась над этой сценой, кое-кто пытался уговорить строптивую супругу успокоиться и вернуться домой.

Впрочем, в прошлом году она произвела на свет двух близнецов. Мастер Рангат Рам далеко не был уверен в том, что они порождение его плоти и крови. И все же с тех пор отношения между супругами приобрели более мирный характер. Правда, многие полагали, что это перемирие временное.

Мастер Рангат Рам, я думаю, знал обо всех этих сплетнях. Но так как большинство пересудов стекало со злых языков его конкурентов-неудачников, то он льстил себя надеждой, что его успехи вызывают зависть других. Поэтому чем больше увеличивалось число его противников, тем больше вырастал он в своих собственных глазах. Но бывали моменты, когда сплетни переставали быть просто сплетнями и приобретали характер достоверных сведений, а это уже создавало серьезную угрозу его престижу.

Вот почему мастеру Рангат Раму приходилось всегда быть настороже: при малейшем намеке на опасность он всегда был готов ринуться на своих противников — и тех, кто работал поблизости от него, и тех, кто находился в радиусе двухсот пятидесяти миль. Стратегия его была превосходна. Обычно он заводил со своим конкурентом разговор на какую-нибудь отвлеченную тему, затем, как бы между прочим, осторожно переходил на личность своей жертвы, проявляя к ней, казалось бы, искреннее участие. И, наконец, изливал на нее поток глубочайшего сострадания, тем самым показывая противнику его полнейшую неспособность что-либо делать.

— Да, прошлой ночью я был хорош и поэтому сейчас чувствую себя слегка утомленным,— повторил он, обращаясь к Джагу.— В следующий раз, если представится возможность, я возьму тебя с собой, чтобы ты, несчастный осел, тоже узнал кое-что о том, как надо жить. Вот тогда ты увидишь меня в моей настоящей форме, ты увидишь другого мастера Рангат Рама, не парикмахера или болтуна, а джентльмена, представительного не менее, чем лорд, чем сам губернатор!

Он засмеялся, явно довольный нарисованным им образом.

— Много выпили? — спросил я, стараясь хоть чем-нибудь ублажить его и склонить к тому, чтобы он занялся мной.

— Так много, саркар,— брови мастера Рангат Рама сосредоточенно нахмурились,— что окружной комиссар приказал своему шоферу Химмат Сингху отвезти меня домой на купленном в этом году его супругой новом с иголочки «форде» — великолепная машина, летит бесшумно, словно стрела, выпущенная из туго натянутого лука, и я не думаю, чтобы на ней куда-нибудь ездили прежде. Я вернулся домой в четыре часа утра с ужасным насморком и такой головной болью, что, казалось, череп вот-вот треснет, так что мое состояние крайне встревожило мою дражайшую супругу. Потому-то мне и пришлось зайти к окружному врачу.— Он откашлялся и продолжал: — В самом деле, профессор-сахиб, я ужасно сожалею. Но, клянусь честью, и вы можете мне верить, сегодня ровно в четверть четвертого у меня необходимейший визит к окружному комиссару: нужно побрить его и троих его гостей, тоже окружных комиссаров, только из других округов Пенджаба.

Мне вспомнился один курьезный эпизод, о котором мне рассказал другой парикмахер. Прежний комиссар, спокойный и уравновешенный человек, очень заботившийся о своей личной гигиене, купил мастеру Рангат Раму, взяв для этого деньги из казенных сумм, велосипед — для ежедневных утренних визитов к нему. Он купил также несколько кусков мыла, чтобы Рангат Рам мыл руки, прежде чем приступить к бритью, и целую стопку передников, без которых Рангат Рам не имел права приближаться к высокопоставленному клиенту. Однако не прошло и недели, как комиссар отобрал все это у Рангат Рама. «Убирайся вон! — сердито приказал он.— Ты слишком много болтаешь».

Новый парикмахер, нанятый комиссаром, по пути к своему высокопоставленному клиенту обязательно проезжал на велосипеде мимо «салона» мастера Рангат Рама. И всякий раз при виде своего конкурента-преемника мастер Рангат Рам зеленел от негодования. Говорят, что в это время он стал более регулярно посещать храм, где его часто видели среди молящихся, в результате через год комиссара перевели в другой округ.

— Кто же бреется во второй половине дня?! — удивился я.

— О саркар! — многозначительно произнес мастер Рангат Рам.— Они собираются ехать на охоту в верховья Биаса.

— Но какая может быть охота сейчас?

— Они едут за особым видом дичи, очень редким, у нее какое-то трудное английское название. Такую дичь можно найти только в этом месяце около лесных ручьев и речек.

— Когда же в таком случае я должен прийти к вам? — спросил я, отчаявшись уговорить Рангат Рама.

— Позвольте прикинуть, мой дорогой саркар.

Около минуты он сосредоточенно разглядывал свои продолговатой формы ручные часы, потом дважды постучал указательным пальцем по левому виску. На черном ремешке от часов, охватывающем запястье, было пятно засохшей мыльной пены. Сковырнув его ногтем, он важно произнес:

— До завтрака я буду занят у мэра, после завтрака — у полицейского комиссара, до второго завтрака — у помощника судьи, потом...— Он назвал еще несколько имен, загибая после каждого палец, так что скоро их не хватило.— Устроит ли вас в четыре часа завтра, саркар? — наконец предложил он и тепло улыбнулся.— Да разве смогли бы эти европейские девицы в салонах Нового Дели постричь вас как следует?!

— О да! — согласился я.— Никто не сможет сделать этого лучше вас.

Лицо мастера Рангат Рама с золотистой кожей и правильными чертами осветила сияющая улыбка.

— Хотя они и получили квалификацию в Европе, но им все же следует прежде поучиться, как держать ножницы, у мастера Рангат Рама, специалиста по стрижке. Ведь я всегда говорил вам, профессор-сахиб, что в столице вы просто пропадете без вашего покорного слуги мастера Рангат Рама.

Рангат Рам повесил через плечо небольшой продолговатой формы деревянный ящичек с инструментами. Снова взглянув на часы, он, словно про себя, улыбнулся и провел рукой по коротко остриженной круглой голове.

— Сейчас около трех,— произнес он.— Время, когда ваш покорный слуга должен отправиться в путь, чтобы лишить комиссаров растительности на лице, настало.— И, прощально помахав мне рукой, он добавил по-английски: — До свиданья!

Я чувствовал себя, как говорится в старой избитой фразе, брошенным на произвол судьбы и полностью предоставленным самому себе. Я отражался в зеркале вместе с алюминиевым стаканчиком, до половины наполненным водой, пластмассовой мисочкой для бритья, в которой лопались пузыри взбитой мыльной пены, небольшой стертой плиткой квасцов и прочими профессиональными принадлежностями мастера Рангат Рама.

Уставший и больной от пышущего жаром послеполуденного солнца, я подошел к лотку продавца бетеля, расположившегося у касс соседнего кинотеатра. Шел фильм «Барсат», и у касс толпилось множество народу. В тот момент, когда я собирался уже положить в рот пахучий лист бетеля, я вдруг увидел поразившую меня картину.

Первым моим побуждением было подойти к нему и, так сказать, поймать его на месте преступления. Но такая ничтожная месть могла бы, пожалуй, испортить наши отношения. К тому же у него, вероятно, нашлось бы какое-нибудь благовидное оправдание. Я почувствовал, что его взгляд на мгновение с тревогой задержался на мне. Это был решающий момент. Если бы я поднял глаза на мастера Рангат Рама, он бы, что более всего вероятно, принял мой вызов и со своей обычной улыбкой начал объяснять, почему он здесь. Во избежание этого я решил оставить его в неведении и сделал вид, что ищу в кармане мелочь. Через некоторое время я снова исподтишка взглянул на него. Мастер Рангат Рам стоял ко мне спиной, он явно предпочел остаться неузнанным. Он встал в хвост длинной очереди, медленно движущейся к окошку кассы, где продавались самые дешевые билеты.

Перевел с английского
Вл. БЫКОВ.

Сейчас мест нет

Этот снимок сделан в городке Биддефорд (штат Мэрилэнд). Треть населения городка — безработные. На снимке: очередь за хлебом, который раз в день бесплатно выдается безработным или членам их семей.

В. ПАРХИТЬКО

Гостиница на 57-й стрит, в которой я живу, называется «Грейт Норсерн». В ней не останавливаются ни нефтяные короли Техаса, ни автомобильные магнаты Детройта, ни «звезды» Голливуда. Это отель средней руки. Но в нем не живут и безработные. Поэтому вопрос о ближайшем бюро страхования безработных озадачил администратора. Он испуганно спросил:

— Простите, сэр, вы ведь из Москвы?

— Да.

— И вы тоже потеряли работу? Неужели вам нечем будет платить за номер?

Пришлось успокоить чиновника, что за номер ему будет уплачено, а в бюро мне хотелось бы попасть потому, что в газетах много пишут об этом, и я решил увидеть все своими глазами. Выражение страха на лице сменилось обычным выражением учтивости.

— Здесь совсем недалеко. 45-я стрит...

...Грязно-серая громада в узкой и такой же грязной улице. Здесь нет даже постоянной вывески. У входной двери на листке бумаги чьей-то нетвердой рукой небрежно нацарапаны кривые буквы: «Bureau of employment». В переводе это значит: «Бюро занятости».

Но достаточно войти в здание, посмотреть на толпу людей, которые пришли сюда, и сразу все станет ясно: под громким названием «занятость» скрывается горе людей, их лишения. Фактически это — место, куда приходят безработные. Здесь их регистрируют, здесь им выдают жалкое страховое пособие по безработице.

Стойка. Она похожа на место приводов в полицейском участке. Тяжелый письменный стол, перед ним барьер. За столом — одинокий постный регистратор, которому надоели и эти люди, и их лица, и вся эта работа. За барьером — толпа безработных.

Толпа разношерстная, разноликая. Стоят почтенные отцы семейств и совсем молоденькие парни: на вид лет семнадцати — двадцати. Стоят убеленные сединами квалифицированные рабочие, которые проработали на предприятиях всю свою жизнь, и поденщики, привыкшие к случайному заработку, к превратностям судьбы. Стоят те, кто впервые потерял работу и впервые переступил порог этого здания. Они удивленно и несколько настороженно оглядываются вокруг. Стоят и те, кто стал здешним «завсегдатаем», кто раз в неделю приходит за получением жалкой подачки, называемой пособием. Они с ужасом считают недели, дни. Пройдет двенадцать недель, и право на получение этого пособия истечет.

Есть и такие, которые уже не имеют права на получение пособия. Они собрались в стороне и с завистью смотрят на тех, кто пока еще может стоять в очереди.

Разговоры здесь самые мрачные.

— Я ел только вчера днем,— говорит пожилой человек в рабочей суконной куртке.

— А у меня мальчишка уже неделю не ходит в школу: не на что ботинки купить,— как бы про себя добавляет его сосед.— Я маляр, могу выполнять любые работы, да что толку? Куда ни придешь, везде одно и то же: «Сейчас мест нет, своих увольняем».

Около них стоит, низко опустив голову, юноша. Он прислушивается к разговорам, а затем начинает искать что-то в кармане. Порывшись там, он вытаскивает сначала мыло, бритву, а затем никель — монету в 5 центов — и, обращаясь к стоящим рядом, замечает:

— Думаете, вы одни такие? Вот эта монета у меня уже два дня. Больше ничего нет. Оставил, чтобы деньги не переводились.

Как видно, даже в этих обстоятельствах он не потерял чувства юмора.

— А бритву зачем с собой носишь, приятель? — спрашивает тот, что говорил первым.

— Так ведь жить негде. Угла своего нет. А когда приходишь просить работу, надо быть чистым и бритым,— просто отвечает паренек.

Я хотел сфотографировать эту сцену, достал фотоаппарат. В рядах безработных послышались недовольные возгласы. Они приняли меня за фоторепортера нью-йоркской газеты. Мне стало не по себе, и, спрятав аппарат, я вышел на улицу...

Зачем я пошел в это бюро? Разве мало сцен, которые то и дело видишь на улице? Разве их недостаточно, чтобы убедиться в бедствиях сегодняшней Америки?

Голодные, бездомные люди, часами просиживающие на углах улиц в Бауэри — трущобах Нью-Йорка. Им не на что надеяться в будущем, и ничего у них нет в настоящем.

Оборванные нищие, которых можно встретить даже в центре Нью-Йорка. Они заходят в закусочную-автомат и ждут, не останется ли на столах каких-нибудь объедков.

Прилично одетый прохожий торопливым и пугливым движением выхватывает газету из мусорного ящика: это тоже безработный. У него тоже нет средств к существованию, нет даже десяти или пяти центов на газету. Но эти еще крепятся. Может, пофартит, может, в газете, в длинном ряду различных реклам попадется строчка и о том, что где-то кому-то нужен работник подходящей специальности.

Да, все это я видел. Но все это были случайные, разрозненные впечатления. Хотелось увидеть своими глазами капиталистическую биржу труда, оборотную сторону блестящей медали, которую обычно показывают с вершин небоскребов и называют «Америка». Поэтому я и пошел в бюро.

Но в бюро можно было и не ходить. Достаточно было почитать газеты.

В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» с большой статьей о безработице выступил Джордж Гэллап, директор американского института общественного мнения. Этот институт провел специальный опрос, а Д. Гэллап сделал следующий вывод:

«Впервые со времен безработицы тридцатых годов, когда одна шестая часть всей рабочей силы не имела работы, обследование, проведенное институтом, показало, что проблема работы, проблема занятости считается сегодня главной проблемой в стране».

В газетах Соединенных Штатов то и дело появляются снимки безработных, которые стоят в очереди за бесплатной правительственной похлебкой. Но и ее, как подачку, выдают несчастным людям один раз в день.

Резко сократилось производство. Газетные заголовки беснуются: «В Сент-Луисе половина безработных не имеет права на получение пособия»; «Детройт стал городом заводов-призраков»; «В Америке шесть миллионов безработных»...

Подобных статей можно привести сотни. В одной из них корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Раскин пишет из Детройта о тяжелом положении безработных: «Банки разбухают от вкладов. Но это богатство находится в резком контрасте с той нуждой, которая видна на каждом шагу в рабочих кварталах Детройта».

Мы были в Вашингтоне. В столице Соединенных Штатов я разговаривал с одним из правительственных чиновников. Он сказал, что конгрессмены в Вашингтоне получают все больше писем от своих безработных избирателей, которые требуют мер по обеспечению работой и продовольствием. Число таких писем примерно вдвое превышает количество жалоб на безработицу и экономическое положение год тому назад.

Вот письмо жены безработного из штата Огайо, которое написано члену палаты представителей демократу Вэнику. «Мой муж,— писала она,— приходит в отчаяние из-за отсутствия работы. У нас двухмесячный ребенок, много неоплаченных счетов, и мы сильно задолжали. Через две недели муж перестанет получать пособие по безработице. Что делать?»

Что делать?

Этот вопрос в Америке задают сейчас не только безработные.

В Нью-Йорке мне довелось беседовать с одним из крупнейших экономистов Америки, Виктором Перло. Он рассказал, что правительство совместно с крупнейшими капиталистами пытается найти выход из создавшегося положения.

— Однако все попытки предпринять что-либо,— говорил Виктор Перло,— приводят к столкновению многих интересов, и поэтому они бесплодны.

Нью-Йорк.

РЯЗАНСКИЙ ВАРИАНТ

Георгий РАДОВ

Фото М. САВИНА.

В Рязани предстоял разговор о школе, и мне по дороге явственно припомнились скорбные глаза Пелагеи Ильиничны...

Мы встретились с ней весной пятьдесят пятого года в Краснодаре на краевом совещании. Знатная свинарка была раздражена, на вопросы отвечала неохотно.

— Хай им грец! — отмахнулась она, когда я спросил о весенних опоросах.— Надоели!

— Надоели?!

— Не то в голове! Поросята, поросята... Что вы все пытаете о поросятах? Ты про дочек спроси.

Я спросил «про дочек», и она рассказала...

У нее две дочки: младшая — Нюра и старшая — Ларочка, и растила она их без мужа. Нюра — она всего на два года моложе сестры — росла крепкой, здоровой девочкой. А Лариса болела. Собственно, болела она не чаще и не больше, чем другие дети, перенесла лишь скарлатину и корь, но матери все казалось, что старшая дочка болезненная и хилая. Нюра могла босиком выбежать на улицу — Ларочке это не дозволялось. Нюра могла всю зиму пробегать в легком пальтишке — Ларисе шили зимнее. Так и пошло: Ларисе покупали обновки, а Нюре доставались сестрины обноски. И домашние заботы как-то неприметно оказались на плечах у младшей дочери. Покормить поросенка, вымыть полы, побелить хату, подоить корову — все делала Нюра. И часто случалось, что она, восьмиклассница, подменяла на ферме мать, когда Пелагея Ильинична уезжала на слеты. А летом, когда Лариса уезжала в пионерский лагерь, Нюра уходила в бригаду. И она училась, как и Лариса, и прилежно училась, но не окончила школу. В доме стряслась беда: осенним вечером Пелагея Ильинична возвращалась с фермы, задумалась, оступилась, упала в пустую силосную траншею, сломала ногу. Не быстро они срастаются, старые косточки: три месяца провела свинарка в больнице. Пришлось Нюре бросить учение — не Ларочку же отрывать из выпускного класса! — ушла девочка на ферму, ушла, да так и не вернулась в школу. А Лариса, окончив десятый класс, отправилась в город поступать в институт, да не поступила, срезалась, но домой не приехала...

Мы сидели с Пелагеей Ильиничной в гулком пустом фойе театра, и она всплескивала руками, удивлялась:

— Что же из нее получилось, из старшей? Что получилось?

Получилось ни то ни се, ни пава ни ворона... Девушка после школы ничегошеньки не умела делать и пошла по конторам, что-то писала, что-то считала, кочевала с места на место: то «по сокращению штатов», то «по собственному желанию». В двадцать один год она подарила матери внука. Привезла его в станицу, бросила на бабкины руки. Теперь этого внука растят они вдвоем — Пелагея Ильинична и Нюра. А Лариса?

— Увеялась! — устало махнула рукой Пелагея Ильинична.— Увеялась не знаю куда. Не пишет. Глаза б мои ее не бачили! Как оно получилось?

В тот день я долго беседовал с Пелагеей Ильиничной. Сконфуженная, озадаченная, она размышляла: почему так вышло? На старшую дочь она положила все силы, ей отдала все заботы, выучила, дала среднее образование, а выросло ни на что не похожее — чертополох. А младшая росла вроде бы и без внимания матери, недоучилась — и вот она какая вышла славная, цельная...

— Ты глянь, ты глянь,— сказала Пелагея Ильинична.— Есть же у нас в станице хорошая молодежь: и доярки, и трактористы, и звеньевые. Так это ж недоучки, как моя Нюрочка! С малолетства бросали школу, пошли в колхоз. А эти? Ни к чему же они неспособные... К работе неспособные! А надо ж, чтоб с малолетства работали! Так что ж, недоучивать?

Страшный этот вывод огорошил мою собеседницу, она смятенно передернула плечами, спросила строго:

— И кругом так? Во всех местностях?

Нельзя было поручиться за «все местности», но, ей-же-ей, тогда, весной пятьдесят пятого года, я ничем не мог утешить свинарку. Только полгода спустя, под осень, переправившись через Кубань и вступив на берег Ставрополья, у станицы Григориполисской я увидел вывеску: «Девятая школьная бригада». Да, в этой бригаде школьники работали «с малолетства» на колхозных полях, работали изо дня в день, и я понял, что эта «девятая школьная» как раз и есть то самое, что нужно было, как воздух, старшей дочке Пелагеи Ильиничны...

Правда, тогда «девятая школьная» была островком в океане, только что открытым и еще не разведанным, но уже было ясно, что это явление вовсе не узкоместное, что это запев, и запев дела великого, который непременно должны услышать во всем государстве!

Этой весной я вновь побывал в Григориполисской. «Девятая школьная» жила. Но это уже был не островок! Григориполисские запевалы, не в упрек им, не были уже ни единственными, ни лучшими на Ставрополье. Более двухсот бригад школьников постоянно, и в дни учения и в летние каникулы, работали в колхозах края. Двадцать пять тысяч гектаров земли обрабатывали ребячьи руки. И уже второй год из ставропольских школ выходили, как правило, не Ларочки, а Нюры — молодые люди, познавшие вкус физического труда и полюбившие труд.

Одно тревожило: чем дальше на север, тем реже встречались детские бригады в колхозах. Что это значило? Но вот сказали:

— А в Рязани-то не хуже, чем в Ставрополье.

— Школьные бригады?

— Не-ет,— объяснили мне в Министерстве просвещения.— У рязанцев свой вариант!

* * *

Рязанский вариант... Просторный двор Шиловской десятилетки напоминал полевой стан трактористов. Правда, слева от школы, залитый нежнейшим запоздалым цветом, раскинулся сад, зато справа было царство техники: тракторы, автомобили, плуги, культиваторы, бороны... Четверо чумазых мальчишек хлопотали у старенького «натика», двое хлопцев постарше готовили в рейс небольшой колесный трактор. Наш фотокорреспондент так и пристыл объективом к чистым, открытым лицам водителей. Сегодня вы видите их на обложке журнала. Это тезки — Юрий Антонов и Юрий Охотников. Они только что окончили школу. Куда пойдут? В колхоз?

— Не в том соль, кем они будут впоследствии,— сказал мне председатель колхоза Сергей Васильевич Морозов, любуясь «тезками», оседлавшими трактор.— Не все навеки останутся в колхозе. Да, может, из этих хлопцев выйдут знаменитые конструкторы по самолетам! Нет, тут основное — что они могут делать сегодня, после школы, в семнадцать лет...

— Что же они умеют?

— Эти-то? Да любую колхозную работу! Парней хоть сегодня сажай на машины, девушек посылай на фермы, в сады, на огороды. Готовые работники!

— А кто выучил? Ваш колхоз?

— Нет, школа выучила.

— А тракторы? Ваши?

— И тракторы школьные. У них же хозяйство.

Да, у школы было хозяйство. За селом тридцать гектаров земли — десять полей севооборота,

Юные животноводы Валя Ерошкина и Людмила Титкина (слева).

в точности, как в колхозе. И свои тракторы, и два автомобиля, и сеялки, и плуги, и бороны, и картофелесажалка, и ферма. Да, учебно-производственная ферма, а на ней почти сотня телочек, правда, по балансу колхозные, но переданные школе под полную ее ответственность. В восьмых, девятых, десятых классах ребята изучали растениеводство, животноводство, механизацию, и сами водили тракторы, и устанавливали на высев сеялки, и пахали, и боронили, и культивировали, и сеяли, и пололи, и возили навоз, и кормили телочек, и доили коров. Все своими руками!

«Душой» хозяйства называли Федорову Алевтину Васильевну. Я много слышал о ней в Рязани. Говорили, что это учительница пробивная, решительная, что были у нее крупные стычки с районным руководством, что однажды она «доходила до министра»... И еще с удивлением и почтительностью рассказывали, что Федорова — вдова и что она без нянек, без мамок и бабок растит шестерых своих детей, и еще учительствует, и еще заведует учебно-опытным хозяйством, и, как коммунистка, читает лекции и проводит беседы в бригадах. И не жалуется, не просит поблажек...

Алевтина Васильевна, невысокая, худенькая, решительно отвергла свой «приоритет» в приобщении ребят к сельскому хозяйству.

— Какая там «душа»! — отмахнулась она.— Плохая я была учительница.

Это было сказано без тени рисовки, с той прямотой, с какой говорят о себе сильные люди.

— Ну что я была за биолог, если не знала своего колхоза? Анекдот! Представляете, как мы воспитывали ребят, если нам самим, учителям, пришлось устраивать экскурсию в свой колхоз! Сельским учителям — и экскурсию! Смешно? Копались на пришкольном участке, а это знаете, что такое?

О, эти пришкольные участки — вершина робкой, немакаренковской педагогики! Крохотные грядки земли, на которых ребята с лопатами, вилами, граблями должны были, по замыслу «столпов» педагогики, постичь и суть и поэзию земледельческого труда. А рядом ходили недоступные детям тракторы и комбайны, мчались автомобили, и дети с завистью смотрели на них и с горечью косились на собственные «орудия производства». Да, это был тоже труд, но труд «вообще», труд без смысла и перспективы, совсем не тот труд, с которым молодежи предстояло столкнуться завтра в колхозах и совхозах. Это был труд для педагогической сводки.

— Правильно, для сводки,— подтвердила Федорова.— Но вот, понимаете, в Ермишах, в другом районе, создали учебно-опытное хозяйство. Слыхали о Ермишинской школе? Там директором Мария Ивановна Павлова. Замечательная женщина! Все новое тащит к себе. Она-то и есть застрельщица. А мы, признаться, замешкались и попали под огонь. Как нас ругали в райкоме! А теперь и у нас учебно-опытное хозяйство.

Она сказала «а теперь и у нас» просто, словно бы это хозяйство родилось по щучьему велению. Но мне-то рассказывали, как это было. Она, Федорова, месяцами ходила «по инстанциям», пока добилась, чтобы школе дали тракторы. Она поднялась на самую верхнюю ступеньку областной лестницы, чтобы «выбить» для школы автомашину. Она... Но, впрочем, зачем они затеяли хозяйство при школе, а не детскую бригаду в колхозе? Это же проще.

— Как в Ставрополе? — переспросила Алевтина Васильевна.— Нет, это нам не подходит! Там-то вон какие колхозы — в каждом по десятилетке. А у нас, в средней России? А на Севере? В одну школу ходят ребята из десятка деревень! Как их привяжешь к одному колхозу? И потом, я считаю, у нас выходит удачнее, чем у ставропольцев: и обучение, и трудовое воспитание в одних руках — у школы. Один хозяин.

Так вот он какой, рязанский вариант! Но почему же хозяйство зовется учебно-опытным, а не просто учебным?

— А как же! Мы-то взяли курс на образцовое, культурное земледелие! Решили дать образец колхозу.

Это был смелый замах! Колхоз имени Калинина — один из лучших на Рязанщине; не так-то просто «дать ему образец». А тут еще школе попался участок близкий, но бросовый: в прах распаханная земля, ничего путного на ней не родилось. И на этой-то бросовой земле школа взяла и зерна и картофеля больше, чем колхозные бригады.

Но и трудов это стоило! Почти тысячу тонн — эшелон удобрения — вложили школьники в свое поле! Работали рука об руку и ученики и учителя. Кстати, так уж повелось в Шилове: учить детей и рассказом и показом. О, это оказалась вовсе не простая штука — показ! У Алевтины Васильевны два диплома: агрономический и педагогический,— и она сама держит корову, но прежде чем научить девочек доить коров «по науке», она с неделю стажировала у Героя Социалистического Труда Екатерины Кузьминичны Ковровой. Еще труднее пришлось ее молодой коллеге — биологу, москвичке выпускнице университета...

Но это был верный курс: на культурное земледелие! Чтоб ребята с малолетства и на всю жизнь привыкли работать «по науке»... Колхоз вносил удобрения «по силе возможности», а школьники сделали анализ почвы, выяснили, чем и когда надо кормить каждое поле, и дали земле полную дозу пищи. И они же восстановили доброе имя сорта пшеницы, когда-то заброшенного колхозом. И еще испытали двадцать один сорт картофеля и шесть подходящих предложили колхозу. И когда школа опередила колхоз по урожайности, представьте себе настроение ребятишек! Как они подняли головы! Как поверили в себя и в силу науки!

— Вот с кукурузой мы оплошали,— пожаловалась Алевтина Васильевна.— А соседка-то наша, Юштинская школа, да она же весь колхоз ведет за собой! Учительница Клавдия Николаевна Дмитриева, она же с ребятами вывела местный шиловский гибрид. Да какой! Восемьсот центнеров зеленой массы с гектара!.. Поезжайте, спросите, чьими семенами сеет Юштинский колхоз. Школьными! Школьным гибридом! Он раз в пять урожайнее обычных сортов. Разве это не опытное хозяйство?!

Но каков же итог? Что, собственно, дала Шиловская школа своим питомцам? Научила водить тракторы? Доить коров? И только?

— Другое настроение — вот что она дала, наша школа,— сказал мне Сергей Васильевич Морозов, опытный, вдумчивый шиловский председатель.— Как они на колхоз смотрели, ребятишки! Да их же пугали колхозом! «Учись, Манька, на «пять», а то в колхоз пойдешь, коровам хвосты крутить». А теперь? Да ты посмотри, посмотри...

Мы стояли на крыльце школы, а рядом, во дворе, девочки в форменных платьицах окружили полную, статную женщину с Золотой Звездой на лацкане жакета. Они обнимали ее, висли на руках, и она, растроганная, довольная, ласкала их.

— Понял, как они вьются вокруг нашей Ковровой?! Это же для них теперь первый авторитет! Вот те и что дала школа: почтение к трудовым людям! А еще и хозяйственность. Раньше-то семнадцатилетний сельский парень кончал десятилетку — что он смыслил в колхозной экономике? А эти,— он кивнул на ребят, возившихся у трактора,— эти, понимаешь, сами рассчитали нам себестоимость молока. Да еще и конференцию устроили, как, мол, снизить издержки... Вот те и школа! Хозяева растут. Хорошо?

Екатерина Кузьминична Коврова и Алевтина Васильевна Федорова среди молодых животноводов.

* * *

Да, это было хорошо. Но чем она была, Шиловская школа, для Рязанщины? «Островком»? Только образцом для подражания? Нет, ни тем и ни другим! Шиловская школа была явлением обыденным! Такие или почти такие, как в Шилове, учебно-опытные хозяйства жили, действовали во всех без исключения школах Рязанской области.

В Рязани, на совещании по народному образованию, довелось мне услышать одну непроизнесенную речь. Да, непроизнесенную... Несостоявшийся оратор — школьный биолог, длинный, сухой, необыкновенно носатый и дочерна загорелый мужчина лет сорока пяти,— закинув ногу на ногу и пристроив блокнот на остром колене, все писал и писал, только изредка отвлекаясь, чтобы послушать речи. Было ясно: он готовится... Но закончились прения, а он так и не появился на трибуне.

— Не дали слова?

— Раздумал,— сказал он.— Понимаете, получилась бы очень неловкая речь. Неделикатная...

— Неделикатная?!

— Да вы поймите! — горячо заговорил он.— Вы поймите, какое место занимает в жизни нашей области школа! Это же особенное, а если мерить по-старому, то совершенно необычное место! Слыхали, что сказал первый секретарь обкома товарищ Ларионов? «Школа явилась главным пропагандистом кукурузы в колхозах». А ну-ка вдумайтесь! Школа — главный пропагандист куку-

рузы! И где? На Рязанщине, в передовой области... Не слишком ли громко сказано? А в том-то и штука, что не слишком. Так же оно и было. Где начала царствовать «королева полей»? На школьных участках! Именно учителя и школьники вырастили наивысшие урожаи кукурузы и вывели сорта и гибриды, и посрамили неверующих, и пробили дорогу кукурузе... А эта цифирь? — спросил он, листая блокнот.— Пожалуйста: «Школьники вложили за год в сельское хозяйство три миллиона трудодней!» А это: «Школа только своими силами вырастила и передала колхозам сто девять тысяч тонн разных продуктов растениеводства — зерна, картофеля, кормов для скота...» Сто девять тысяч тонн! Да школа же стала крупнейшим производителем материальных ценностей! А за какие она дела берется? Читали наше обязательство вырастить пятьдесят тысяч коров? Это что значит? Да всех-то коров в колхозах восемьдесят семь тысяч... А с птицей. Сколько ее в колхозах? Полмиллиона? И школьники берутся за год вырастить полмиллиона. Вот вам рязанская школа на сегодняшний день! Поняли?

Я понял, что значит рязанская школа на сегодняшний день, но не мог уразуметь, что же «неделикатного» во всем этом.

— Что?! — в свою очередь, удивился он.— Да надо же было сказать, кто это все сделал... Кто! Я-то новичок на Рязанщине, работал под Пермью, а перевелся сюда — тут-то мне все в глаза и бросилось. Как у нас в Перми заботились о школе? Да обычно... Раз в году принимали решение «о подготовке школ к учебному году». Изредка собирали учителей. Понимаете, занимались текущими нуждами школ, не затрагивая сердцевины. А в Рязани-то вон как: по-революционному перестраивают школы. Пе-ре-стра-и-ва-ют! Осенью позапрошлого года ермишинцы устроили учебно-опытное хозяйство. Как поступил обком партии? Выждал, «как оно получится»? Да нет же, по горячим следам изучил ермишинский опыт и двинул его во все школы. Через полгода все десятилетки имели такие хозяйства! А сегодня читали газету? Пожалуйста, постановление обкома «Об инициативе школ Новодеревенского района по выращиванию кроликов»...

Улавливаете линию обкома? Да он же глаз не спускает со школы. И все полезное, нужное без проволочек смело пускает в массовый оборот. А это ж передается и вниз! Если первый секретарь обкома поименно знает учителей и бывает на школьных участках, так этому же учатся и секретари райкомов и председатели колхозов. Вокруг школы создается атмосфера общественного внимания.

А результат? — спросил он. — Почти семь тысяч выпускников школы уже работают в сельском хозяйстве! Разве это случайно? Да эти-то ребята школами приучены к труду! Об этом и хотелось сказать...

— Но что же тут неделикатного?

Он покачал головой, перебил:

— Обком бы пришлось хвалить. А это, видите ли, неловко на таком совещании. А потом, зачем мы собрались? Обменяться комплиментами? Обком — нам спасибо, а мы — спасибо обкому? К чему? Многое же еще не додумано...

Да, он еще не завершен, рязанский вариант. Здание выросло, его уже видно издалека, но оно еще не готово. Рязанские учителя спрашивали:

«Почему с такими мытарствами школы добывают технику? И почему школам дают только «выбракованные» тракторы старых марок? Какую любовь к технике можно привить ребятам, если первый свой рейс они совершат на дребезжащей, разбитой, устаревшей машине?!»

А с какой стати учителя по сельскому хозяйству получают на тридцать процентов меньше, чем их коллеги — преподаватели физики или словесности? Где тут логика, товарищи из Министерства просвещения и Министерства финансов? Соответствует ли эта оплата той роли, которая сейчас отводится трудовому воспитанию?

Многое не решено. Уже раздаются голоса: а не лучше ли передать учебно-опытные хозяйства в полную собственность школ? Чтобы школы, а не колхозы получали доход и жили, так сказать, на частичном хозрасчете? Разве это не заинтересует школу, если она сможет за счет своих доходов и прикупать оборудование и строиться?.. Разве государство от этого проиграет?

Нет, зря я не выступил! — помолчав, заметил мой собеседник.— Надо было еще сказать о науке. Ведь вот Рязанский обком научно перестраивает школу, а как же должно быть совестно уважаемой Академии педагогических наук! Вот смотрите.— Он извлек из портфеля толстую книжку и взвесил ее на руке.— «Педагогика»! Учебник выпущен через год после ставропольского запева, когда уже вся страна заволновалась и во весь голос заговорила о школе. Сколько страниц? Четыреста тридцать пять. А о трудовом воспитании ребят? Двенадцать! Конечно, это не брошюра, а учебник, но подумайте: о самом остром, о злободневном, о главном, что волнует народ, двенадцать страниц! И, боже мой, как же общо, туманно, кисло, с какими оговорками пишут о приобщении детей к труду товарищи из академии!

Да, да, знаю, что вы скажете,— поднял он руку,— академия, мол, потом обобщила опыт школьных бригад, провела сессию... Да, провела, но разве наука — это только обобщение опыта? А помогать рождению опыта и самим экспериментировать — не дело ученых? Многим ли академия помогла рождению ставропольского запева? А рязанского? А так что ж, обгоняет народ нашу педагогическую науку.

...Заговорил о школе народ. И не только заговорил. Есть ставропольский вариант. Есть рязанский. И уже действуют в стране экспериментальные одиннадцатилетние школы. И уже пробуют, смело пробуют во «всех местностях». Школа — перед реформой, накануне крутого поворота. И если это хоть сколько-нибудь утешит кубанскую свинарку, скажем ей: Пелагея Ильинична, дело идет к тому, чтоб никто, решительно никто из юношей и девушек по вине школы не повторил скорбный путь вашей избалованной старшей дочки...

Жители Веллингтона на палубе «Славы».

КИТОБОИ «СЛАВЫ» В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Во время недавней стоянки китобойной флотилии «Слава» в новозеландском порту Веллингтон в гостях у советских моряков побывало более 20 тысяч местных жителей. В числе их были туристы, дипломатические представители многих стран, члены правительства и премьер-министр Новой Зеландии Уолтер Нэш. Фотокорреспондент веллингтонской газеты «Доминион» В. Хоппер передал в подарок «Огоньку» два снимка, сделанные им на борту «Славы».

Премьер-министр Новой Зеландии Уолтер Нэш (справа) и капитан-директор флотилии А. Н. Соляник в кабине вертолета, на котором обычно ведется разведка во время китобойного промысла.

Фото В. Хоппера.

Прием у президента

После триумфального возвращения на родину техасец Ван Клиберн, победитель на конкурсе пианистов имени Чайковского в Москве, дал несколько концертов в Америке. Оркестрами, сопровождавшими его выступления, дирижировал Кирилл Кондрашин. В Вашингтоне Вана Клиберна и советского дирижера Кирилла Кондрашина принял президент Соединенных Штатов Америки Эйзенхауэр.

На снимке (слева направо): Ван Клиберн, президент Эйзенхауэр, родители Клиберна и Кирилл Кондрашин в Белом доме.

Фото из журнала «Лайф».

Так началось знакомство. Софи Лорен и Т. Самойлова.

Фото Л. Миркина.

Звезда фестиваля

Во Дворце кино в Каннах после вручения диплома Самойловой. В центре — артистки Дж. Лоллабриджида и Т. Самойлова.

Фото Л. Миркина.

Редко у кого из актрис так удачно складывалась творческая судьба, как у Татьяны Самойловой. Роль Вероники в фильме «Летят журавли» ей была поручена, когда она еще училась в театральной студии при Театре имени Вахтангова. Сыграв эту роль, Таня была принята в Театр имени Маяковского, где в течение многих лет работает ее отец, народный артист РСФСР Евгений Самойлов, и где все ей близко и знакомо с детства. Первую роль в Театре имени Маяковского Татьяна Самойлова получила в спектакле «Дальняя дорога» А. Арбузова. Это была юная Лиля Брегман, девушка с загадочными, печальными глазами...

Обсуждая на художественном совете в театре спектакль «Дальняя дорога», ведущие мастера сцены тепло говорили об успехе Тани Самойловой. После «Дальней дороги» ей поручили готовить роль Офелии. Ну, а затем она побывала в составе советской делегации на XI Международном кинофестивале в Каннах. Французская пресса сразу же после просмотра фильма «Летят журавли» объявила ее «ведущей звездой фестиваля».

Вот что рассказывает молодая актриса о фестивале:

— В Париж наша делегация прилетела ночью, и рано утром мы уже выезжали в Канны. Туда мы тоже приехали поздно вечером, но на вокзале нас встречала дирекция фестиваля, представители прессы и будущие зрители, прибывшие сюда из разных стран.

В день открытия фестиваля наша делегация получила приглашение от вдовы народного художника Франции г-жи Леже посетить ее виллу в местечке Валлорис. Здесь нас приняли как самых близких и дорогих гостей, и я сразу же подружилась с этой милой и сердечной женщиной, знающей русский язык. Я никогда не забуду ее заботы и материнское тепло ее рук.

Вечером состоялось открытие XI Международного фестиваля. Город был украшен флагами стран, принимавших участие в фестивале. Перед Дворцом кино стояла огромная толпа: это были те, кто не смог приобрести билеты на открытие.

Хозяйкой фестиваля оказалась Даниэль Дарьё, чудесная актриса Франции, хорошо известная советским зрителям по фильму «Красное и черное».

Чтобы попасть в зал, где происходил фестиваль, делегации предстояло проделать путь по мраморной лестнице, на которой каждый шаг, каждое движение принадлежали прессе. Право, от непрерывного щелканья фотоаппаратов и от световых вспышек кружилась голова. Совершив такое всссхождение дважды, мы предпочли потом посещать кинозал другим путем.

Перед открытием фестиваля публике были представлены артистки, так называемые «звезды», принимавшие в нем участие. Затем на сцену вышла шведская делегация: шведский фильм «На пороге жизни» демонстрировался первым.

На другой день на суд публики и жюри предстал наш фильм «Летят журавли». Началась демонстрация фильма, и на экране один за другим замелькали кадры. Зрительный зал долго безмолвствовал. «Господи, — думала я,— что же это такое, неужели провал?..» Вот на экране показались танки, вот я бегу по улицам... Тут вдруг раздался грохот аплодисментов, и снова все стихло. А на экране умирает Борис и в вихре предсмертной тоски кружатся, плывут березы, мелькают кадры «свадьбы». И тут уж аплодисменты стали нарастать с каждым новым моментом, перейдя в бурную, оглушающую овацию. Не выдержав напряжения, я расплакалась. А потом мне стало ужасно стыдно. Оглянулась, смотрю — близко от меня сидит Даниэль Дарьё и тоже плачет.

Фильм кончился, и нас окружила публика. К сожалению, я не знаю французского языка, но, судя по ласковым лицам и интонациям, говорили только хорошее. А Даниэль Дарьё, с покрасневшими от слез глазами, крепко жала руку каждому члену нашей делегации, повторяя два слова: «Как хорошо! Как хорошо!»

На другой день газеты поместили восторженные отзывы о фильме «Летят журавли». Наша делегация стала самой популярной. Без конца публиковались в газетах и журналах наши беседы. В течение двух дней после показа фильма в наш адрес пришло до 150 писем с просьбой повторить показ фильма. Друзья радовались за нас и поздравляли. Интересно, что реакционный журнал «Экспресс» поместил на обложке журнала мою фотографию из фильма с надписью: «Живы не только хлебом единым».

Наша делегация устроила «девичник», на котором мне и Д. Ритенбергс, как хозяйкам вечера, пришлось принимать всех «звезд» фестиваля. «Девичник» прошел удивительно тепло, все чувствовали себя свободно, завязывались беседы, крепли дружеские отношения. Встреч и приемов на фестивале было очень много, и все они проходили в сердечной обстановке.

Интересным событием было присуждение премии «Апельсинового дерева», или, как говорят французы, премии «Оранж». Премия «Апельсинового дерева» раньше присуждалась во Франции ежегодно лучшей актрисе сезона. Последние шесть лет «Апельсинового дерева» не была удостоена ни одна актриса. А нынче премию эту разделили между мною и актрисой Франсуазой Арнуль.

Мы поехали в местечко Мантон, находящееся невдалеке от франко-итальянской границы. В Мантоне нас встречали девушки в национальных костюмах, каждая держала на плече корзину с апельсинами. В вилле, где должно было состояться вручение премии, посредине большого зала стоял стол с весами, чаши которых уравновешивали два апельсина. После торжественной церемонии Франсуаза Арнуль и я получили маленькую ветвь апельсинового дерева с двумя плодами, которую тут же торжественно посадили в саду, окружающем виллу.

Наша делегация пригласила талантливого художника Франции Пабло Пикассо приехать в Канны и посмотреть кинокартину «Летят журавли». Пикассо приехал со своим другом, известным поэтом, академиком Жаном Кокто. Встреча прошла живо и горячо, и нам всем показалось, что фильм произвел на гостей приятное впечатление.

На торжественном закрытии фестиваля участникам нашей делегации была вручена самая большая премия Международного XI фестиваля в Каннах—«Золотая пальмовая ветвь».

А. ПОПОВА

После просмотра советского фильма завязалась беседа. С. Юткевич, Пабло Пикассо, оператор С. Урусевский, Т. Самойлова, академик Жан Кокто.

Фото Пьера Мансье.

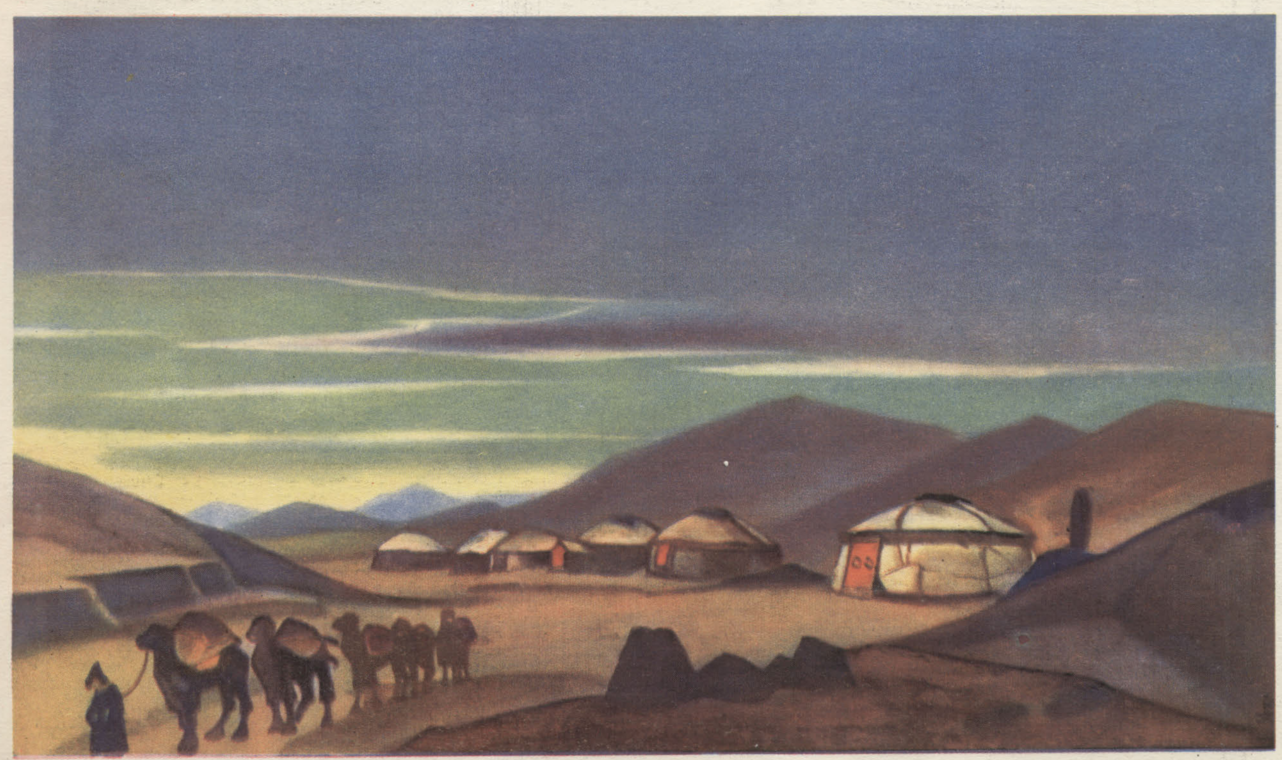
Н. К. Рерих. ПОЛУНОЧНАЯ.

ПОХОД ИГОРЯ.

ГОРНОЕ ОЗЕРО.

ЮРТЫ. МОНГОЛИЯ.

Н. К. РЕРИХ

1874 — 1947

В весенние дни в выставочных залах Союза советских художников в Москве было многолюдно — здесь экспонировались произведения Рериха.

Замечательный русский художник Николай Константинович Рерих, человек большой эрудиции и культуры, художник и поэт, исследователь и ученый, прошел долгий и сложный творческий путь.

Рано определившаяся склонность к археологии и любовь к природе наложили отпечаток на всю его жизнь. В 1893 году Рерих поступает в Академию художеств и спустя некоторое время попадает в мастерскую известного русского пейзажиста А. И. Куинджи, влияние которого не прошло бесследно для творчества молодого художника.

Первое серьезное произведение Рериха «Гонец» — его дипломная работа — имело серьезный успех и было приобретено Третьяковской галереей. В этой картине уже

Н. К. Рерих. ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ.

определились будущий путь художника, его глубокое увлечение историей, необыкновенная осязаемость видения, тонкое чувство русской природы.

Ранние работы художника-археолога, выполненные во время поездок по России,— многочисленные этюды с изображением памятников древнерусской архитектуры. Уже в них проявилось своеобразие живописца, решающего свои произведения в декоративной манере, обобщенно и красиво.

Любовь к истории далекого прошлого своей родины привела живописца к созданию серии картин о жизни древних славян. Сцены сражений, походной жизни дружин, возведения городов овеяны дымкой фантазии, и вместе с тем знания ученого-историка помогли художнику сделать эти картины достоверно убедительными.

Замечательное мастерство Рериха-колориста особенно ярко проявилось в картине «Небесный бой» (1909 год). Бурлящие облака пронизаны фантастическим светом, исходящим как бы изнутри. Богатство цветовых оттенков, выразительность движения передают величественность стихийных сил природы.

Совершенно другого характера полотно «Заморские гости» (1906 год). Радостная, бодрая, плавная, как широкая русская песня, композиция решена с не меньшим живописным мастерством.

В 1909 году по предложению В. В. Матэ и И. Е. Репина Рерих избирается членом Академии художеств.

Во время поездок за границу художник, хорошо изучив произведения европейских школ, еще острее увидел глубокую самобытность русского искусства.

Революция застала Рериха в Финляндии. В 1920 году художник уезжает в Америку, где состоялись многочисленные выставки его картин. А через три года Рерих едет в Индию. Эта страна давно привлекала воображение художника. Своеобразная культура Востока чудилась ему за хребтами Гималаев, ее многочисленные отблески мерцали в шедеврах древнерусского искусства. «Живет в Индии красота. Заманчив великий индийский путь»,— писал Рерих в одной из своих ранних статей, посвященных Индии.

В 1925 году под руководством художника собирается большая экспедиция в горные районы Тибета и Гималаев. Экспедиция продлилась пять лет, и за это время ее участники прошли несколько тысяч километров по снежным вершинам высочайших горных хребтов Гималаев, Тибета, Алтая и Монголии. Во время этой экспедиции Рерих познакомился с малоизвестной культурой горных районов Индии и привез чудесную серию этюдов «Гималаи», эпический гимн горным вершинам, возносящим свои ледяные уступы над морем клубящихся облаков.

В картинах гималайского периода художник достигает высшей степени декоративности. Даже работы, навеянные воспоминаниями о далекой родине, по которой художник очень тосковал, в это время решаются в той же манере насыщенных соотношений чистых красок. Характерна композиция «Поход Игоря». Тревожный желто-зеленый тон неба, беспокойный ритм копий и знамен создают атмосферу напряженности в момент солнечного затмения.

Для своих пейзажей Рерих находит блестящее цветовое решение, в его работах строго продумана композиция, исключительная материальность форм. Зритель, пораженный сверканием искрящихся снежных вершин, подолгу стоит перед картиной «Помни!» (1945 год). То же буквально фосфорическое свечение красок, вызывающее справедливые вопросы, не пользовался ли художник люминесцентными красками, исходит от полотен «Горное озеро» (1941 год) и «Лхаса» (1942 год). Тусклые отражения горных хребтов в спокойной глади воды создают ощущение удивительной тишины, вечной незыблемости горной природы и восточной архитектуры.

Участие в археологических экспедициях в Монголию, Китай, Тибет помогло художнику выполнить большие живописные циклы.

Живая красота открылась ему в причудливых легендах Монголии и Тибета, красота китайского искусства предстала перед ним в живом, величественном воплощении.

Все монгольские пейзажи (1933—1936 гг.) очень спокойны и уравновешенны. В плавном ритме расположены окутанные дымкой холмы, мерно, неторопливо шагают по необозримым равнинам навьюченные верблюды.

В Индии Рериха связывала большая дружба с Рабиндранатом Тагором и Джавахарлалом Неру. Индийский народ считает Рериха своим национальным художником и глубоко скорбел о его кончине.

Художественное наследие, оставшееся после смерти художника, поражает своим многообразием и универсальностью. Свыше четырех тысяч картин, десятки литературных работ и путевых очерков запечатлели жизнь и деятельность художника. Его творчество известно во всем мире, картины художника имеются в музеях СССР, Индии, Америки, Франции, Бельгии и Италии.

Возвращение искусства этого замечательного художника на родину — большое, значительное событие в культурной жизни нашей страны.

Н. ПРОКОФЬЕВА,
Н. КИШИЛОВ

Н. К. Рерих. ПОМНИ!

В сортопрокатном цехе Ижевского металлургического завода. Бригадир вальцовщиков И. Ф. Никитин (справа) и начальник цеха А. Д. Попов.

БОЛЬШАЯ РАБОЧАЯ РОДНЯ

С. МОРОЗОВ

Фото М. САВИНА.

Есть в облике Ижевска приметы, которые сразу останавливают ваше внимание, заставляют пристально вглядеться в своеобразную географию города, задуматься над его прошлым.

По пути от вокзала вам обязательно бросятся в глаза высоченные трубы мартенов. В центре города, под окнами пятиэтажного, занимающего почти целый квартал дома правительства Удмуртской АССР, плещет широкое озеро. Влажный ветер освежающим дыханием овевает ближние улицы, шелестит листвой тенистого городского сада, раскинувшегося по склону берега.

Откуда, казалось бы, появиться металлургии в лесном краю, за тридевять земель от руды и каменного угля? Откуда взяться большой воде, если и Кама и Вятка протекают далеко в стороне?

Однако Иж — тоже река, хоть и не плавают по ней пароходы. Пенится и бурлит Иж в пролетах сливной плотины, вытекая из озера, шумным потоком проносится у заводской ограды под мостом, по которому каждый день шагают сталевары.

— Металл и вода — тут соседи давние. От Ижа и родословная наша идет, — говорит Иван Федорович Никитин, бригадир вальцовщиков, которому присвоено почетное звание лучшего прокатчика республики.

Мускулистый и худощавый, он пристально смотрит на собеседника зоркими светлыми глазами, говорит неторопливо, чуть растягивая окончания слов. По этому характерному выговору сразу узнаешь удмурта — местного уроженца. Мы беседуем в цехе, где меж валками многочисленных и разнокалиберных прокатных станов огненными змеями мечутся раскаленные полосы стали. Красноватые отсветы падают то на закопченную кирпичную стену, то на чистенький, еще не успевший запылиться лозунг «Ознаменуем четырехсотлетие добровольного присоединения удмуртского народа к России новыми успехами в труде, выпуском металла сверх плана!».

Возможно, этот плакат и настроил Никитина на воспоминания.

— Интересная история у нашего завода, прямо садись и пиши.— И он с улыбкой поворачивается к третьему нашему собеседнику — начальнику сортопрокатного цеха Анатолию Даниловичу Попову: — Анатолий Данилович, думаю, напишет, он давно грозится...

— Напишу, Федорыч,— добродушно щурится смуглый Попов.— И про завод и про людей. Про тебя, например... Ты сам, наверное, забыл, каким пугливым фабзайчонком первый раз пришел в цех, годов тому назад более двадцати, я думаю. А сколько народу ты нашему делу обучил, вывел в мастера!

— Ну, мне-то особенно хвастаться нечем, рабочий человек, как и все,— возражает Никитин,— а из сверстников моих, с которыми, помнится, из колхоза сюда пришел, многие учеными стали: кто доктор, кто учитель, кто агроном.

К Попову, старшему и возрастом и производственным стажем, Никитин относится с особым почтением. Недаром зовут Анатолия Дани-

В центре Ижевска — столицы Удмуртской АССР.

ловича в шутку «заводской энциклопедией»: множество всевозможных сведений хранит его цепкая память.

— Ижевцы, между прочим, не зря любят свой завод и свой город,— рассказывает Попов,— не будь металлургии, не стоять бы тут нынешней столице республики.

В четырехвековой летописи, начатой при Иване Грозном, когда удмуртский народ в поисках защиты от татарских феодалов добровольно вошел в состав Русского государства, особое место занимает середина XVIII столетия.

Человечество еще не знало паровой машины. Единственным механическим двигателем в нарождавшейся промышленности было водоналивное колесо, когда царские наместники согнали к берегам Ижа толпы крепостных: удмуртов и русских. Лощину меж холмами перегородила запруда, рядом с плотиной поднялись корпуса железоделательных мастерских. Древесный уголь в изобилии давали местные леса. Чугун с Урала сплавляли по Каме, потом тянули сюда гужом. Рабочая сила была такой же даровой, как и вода, приводившая в движение первые примитивные машины.

«Во всем заводском деле видны образцовый порядок и аккуратность», — так верноподданно аттестовал казенный Ижевский завод в 1773 году путешественник Паллас, член императорской Академии наук в Петербурге.

Года не прошло, как заводские рабы, удмурты и русские, взбунтовавшись против этого «образцового порядка», все как один влились в повстанческую армию своего освободителя Пугачева.

— Знаете ли вы, что в конце восемнадцатого века Урал занимал первое место в мире по выплавке чугуна, что экспортировали тот чугун не куда-нибудь — в Англию? — продолжает свой рассказ Анатолий Данилович Попов.— Не одной медалью, не одним почетным дипломом жаловали ижевских металлургов всероссийские и всемирные выставки... Хвалил наших мастеров и Михаил Иванович Калинин, когда выступал у нас на митинге в двадцать четвертом году... Заслужили они благодарность и от В. В. Куйбышева, председателя ВСНХ, за освоение новых сортов качественных сталей... Ну, да о прошлом всего не перескажешь. А сегодня продукция сама за себя говорит.

Мы проходим на склад, где штабелями сложен металл всевозможных размеров: толстые и тонкие полосы круглой, квадратной, шестигранной формы.

— По пальцам не пересчитать, сотни у нас заказчиков,— говорит Никитин, рассказывая о том, куда идет продукция Ижевского ордена Ленина металлургического завода.

Тут и автомобильная промышленность, и производство часов, и станкостроение, и энергетические машины. Из легированных сталей, которые варят в Удмуртии, изготавливают и тончайшую шторную ленту для фотоаппаратов, и коленчатые валы для тракторов, и насосные шланги для глубоких нефтяных скважин, и струны для роялей.

— Втрое больше металла, чем в годы войны, дает теперь наш сортопрокатный цех, работая на той же самой производственной площади,— вот что значит механизация! — с гордостью заключает Попов.

После заводского гудка вместе с Никитиным и Поповым мы вышли за ворота и, поднявшись в гору, к центру Ижевска, очутились в самой гуще людского потока. Тесно было на мокром от дождя асфальте тротуаров и мостовых. На перекрестке Советской и улицы Горького, близ гостиницы, украшенной световой рекламой, у остановок трамваев и автобусов — всюду, куда ни глянь, валом валил трудовой народ.

Мои спутники едва успевали раскланиваться с множеством прохожих. Столько слышалось взаимных приветствий, что порой казалось: нет в городе людей, незнакомых между собой.

— Как же иначе? Все тут соседи да кумовья,— с улыбкой ответил на наш вопрос Никитин.

А Попов, здороваясь на ходу со встречными, пояснял:

— Этот седой — оружейный мастер отличнейший. Все охотники ему низко кланяются... Та хохотушка в цветной кофточке работает на сборке мотоциклов... А вон по тротуару, видите, два станкостроителя шагают. Большая рабочая родня у нас, у металлургов.

Хорошо это сказано — «рабочая родня»!

В самом деле, завод-ветеран, реконструированный, обновленный в годы пятилеток, стал как бы родоначальником разносторонней индустрии республики. Если сравнить сегодняшнюю валовую промышленную продукцию с 1913 годом, получится рост в двести раз.

Кипучий, деловой город Ижевск — центр Удмуртского экономического района. Со многими приезжими хозяйственниками встречались мы в эти дни в совнархозе. Были тут и машиностроители из соседнего Воткинска и радиотехники из Сарапула, чьи изделия известны по всей стране. Были тут и лесозаготовители и водники, озабоченные тем, как скорее провести сплав, пока на реках держится большая вода.

Приезжали в республиканскую столицу и строители Воткинской ГЭС. На сопредельных землях Пермской области и Удмуртии сооружается эта мощная гидростанция — вторая ступень Камского каскада. Серьезным вкладом в экономику республики станет ее дешевая энергия. Стройка развертывается месяц от месяца все шире, и строителям-пермякам есть о чем посоветоваться со своими соседями-удмуртами.

Крепнут дружеские связи с русским народом и в области культуры. Торжественно прошел недавно музыкальный праздник в честь 118-летия со дня рождения П. И. Чайковского. На родине великого композитора в удмуртском городе Воткинске и в столице республики выступали симфонический оркестр из Куйбышева, заслуженная артистка РСФСР Л. Масленникова, лауреат Международного конкурса скрипач М. Лубоцкий. Восторженно встречали гостей слушатели: рабочие, студенты, будущие инженеры, учителя, агрономы, врачи.

Современный Ижевск — город вузов и театров, клубов и библиотек. Как не похож он на «заводское поселение», о котором полвека назад кратко сообщала Большая Энциклопедия: «Четыре православные церкви, мечеть, еврейский молельный дом, ремесленная школа, лазарет».

Л. РОГАЧЕВСКИЙ, В. ЯКОВЛЕВ

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

Наискосок

Общесоюзный дом моделей в Москве знаменит. О нем узнали модельеры Праги и Варшавы, Парижа и Лондона, с его изделиями познакомились участники Международного конгресса мод, с успехом прошедшего летом минувшего года в Москве.

В популярности Дома моделей нетрудно убедиться каждому, кто побывает на демонстрациях новых мод. Присутствовали и мы на одном из таких показов. И все время, пока мы сидели в переполненном нарядном зале, нас не покидало ощущение какого-то большого праздника. Было так приятно видеть, сколь большое значение у нас придается созданию красивой, удобной и, что немаловажно, недорогой одежды.

Несколько часов подряд, сменяя друг друга, перед зрителями проходили изящно и со вкусом одетые мужчины и женщины. Когда на дорожке показался молодой человек в отлично скроенном, скромном и вместе с тем нарядном костюме, сидящий рядом с нами человек горестно вздохнул.

— Что, не нравится? — удивились мы.

— Напротив, очень нравится,— ответил сосед,— но это только модель, жаль, что она существует лишь в одном экземпляре.

— Правильно. Но ведь мы с вами в Доме моделей, а не на швейной фабрике. Неужели такой прекрасный костюм не заинтересует промышленность?

Сосед пожал плечами и ничего не ответил.

Мы сразу забыли об этом мимолетном разговоре, но вспомнили о нем в тот же день и в том же доме. После окончания демонстрации новых мод директор Общесоюзного дома моделей Николай Николаевич Никифоров пригласил нас в зал, где были собраны самые удачные, самые элегантные образцы мужской и женской одежды, отобранные для большой выставки.

— Когда же эти фасоны можно будет увидеть в магазинах? — спросили мы директора.

— Со временем,— кратко, но довольно неопределенно ответил он.

Мы попросили Никифорова подробнее рассказать о том пути, который проходит новая модель от стола художника, задумавшего ее, к конвейерной линии швейной фабрики. И тут нам вспомнился разговор в просмотровом зале.

— Ведь одна ласточка не делает весны!

— Вы, конечно, правы,— ответил Николай Николаевич.— Наш долг — внедрять новые модели в производство. Нам предоставлены большие права. Мы обязаны следить за прохождением моделей, за тем, чтобы на фабриках их не искажали... Как это делается? Очень просто. Наши конструкторы прикреплены к фабрикам, регулярно там бывают.

Помолчав немного, Никифоров продолжал:

— Все, что мы делаем, во всяком случае, большинство моделей, принимается промышленностью. Костюмы шьются и поступают в продажу. И если бывают отклонения от нашей модели, то только в расцветках и качестве тканей. Искажать линии, вносить свои поправки в утвержденную модель фабрикам категорически запрещено. Да вот посмотрите на эти лекала. Видите, концевые срезы их заштампованы. Это значит, что фабричные закройщики могут следовать только нашим линиям. За попытку исказить модель виновные наказываются.

Слова директора дышали убедительностью. Нас окружали прекрасно сшитые, красивые вещи. Теперь хотелось пойти в магазины, чтобы увидеть там все это великолепие.

Вот он, самый ближайший магазин, наискосок от Дома моделей, на другой стороне Кузнецкого моста.

Еще издали мы увидели выставленные в широких окнах костюмы. Но что это? Почему так не похожи они на те, которыми мы только что любовались в выставочном зале? Мешковатые рукава, невыразительные линии — все это сразу же бросалось в глаза.

Директор магазина № 50 «Мосодежда» Мария Васильевна Степанова признает, что костюмы, поступающие в продажу, мало похожи на те, что она сама видит, бывая на просмотрах в доме наискосок.

Товаровед магазина Полина Сергеевна Михалкова ведет нас к прилавкам. На кронштейнах много костюмов почти всех размеров, но, к сожалению, далеко не на все вкусы. Покупателю — высокому юноше — предлагают однобортный спортивный костюм с накладными карманами, пошитый почему-то не из светлой ткани, а из материала серовато-черных тонов, да еще в полоску.

Неужели и этот фасон создан в Общесоюзном доме моделей? Да, вот его литеры: «В-564-Б». Костюм пошит на швейной фабрике имени «Профинтерна» и выпущен в конце января 1958 года. Вот он, случай, когда замена материала искажает замысел модельера.

Продавец показывает синий двубортный костюм (модель «6565»), изготовленный фабрикой «Большевичка» 27 января 1958 года. Но ведь мы-то совсем недавно видели мужское платье совсем другого, нового фасона. А то, что предлагается покупателю под литером «6565», явно устарело. Такие узкие и низкие борта пиджака были в моде по крайней мере полтора — два года назад.

Говорят, что конструкторы и модельеры, по эскизам и чертежам которых изготовляется одежда, бывают в магазинах и даже стоят за прилавками, беседуют с покупателями, изучают их вкусы и требования. Однако в магазине, находящемся наискосок от Общесоюзного дома моделей, мы сейчас не застали никого из них. Ничего удивительного: как раз в это время они обсуждали новые фасоны мужского и женского платья.

Кто же здесь, в магазине, ответит нам на вопрос: где она, не в одном экземпляре, а в массовом производстве, одежда новых линий? Как видно, заштампованные концевые срезы лекал, изготовленных конструкторами Дома моделей, все же не гарантируют от безвкусицы и произвольного изменения фасонов.

Мы беседуем с продавцами, товароведом, хотим выяснить: в чем же секрет этой неуловимой метаморфозы, когда элегантный костюм модельеров превращается в топорное изделие швейников? И хотя все в один голос твердят, что никаких изменений в утвержденной модели не происходит, что они просто невозможны, мы ясно видим, как не схожа модель с изделием фабрики.

Вероятно, разобраться в недоуменных вопросах помогут швейные фабрики. И вот мы на «Профинтерне» беседуем с главным инженером Дмитрием Яковлевичем Козловым. Из экспериментального цеха была затребована последняя, только что освоенная модель двубортного костюма. Мы получили все нужные справки: узнали, что сейчас на предприятии в производстве находится одиннадцать моделей, что самая давняя — «6468» — выпускается с 1956 года, а самая последняя — «В-924» — запущена в январе нынешнего года. Вот эта модель перед нами. Темно-синий двубортный костюм с широкими и высокими лацканами. Может быть, это и есть та ласточка, которая все-таки сделает весну? Главный инженер Козлов говорит:

— Нет, не очень удачный фасон. Мы изготовим всего тысячу пятьсот таких костюмов, не больше. Эти высокие лацканы мне, например, не нравятся... Вот смотрите, другой двубортный костюм. Выпускается с марта 1957 года. И торговая сеть берет...

Как же так? Общесоюзный дом моделей дает все новые и новые фасоны, а одна из крупнейших швейных фабрик Москвы продолжает выпускать изделия, давно устаревшие? Впрочем, тут-то нет никакой загадки. Позиция главного инженера достаточно красноречива: его вполне устраивает один критерий: «Торговая сеть берет!» Кстати, для нас не составило труда узнать, что последняя в этом году новинка фабрики, модель «В-924», изготовлена в Доме моделей 15 апреля 1957 года. Передана на фабрику через два с половиной месяца; с той поры почти год прошел, прежде чем новый костюм приобрел права гражданства.

— Скажите, — спрашиваем мы Козлова, — те фасоны, которые освоены фабрикой и уже выпускаются, соответствуют ли они первоначальным наметкам модельеров?

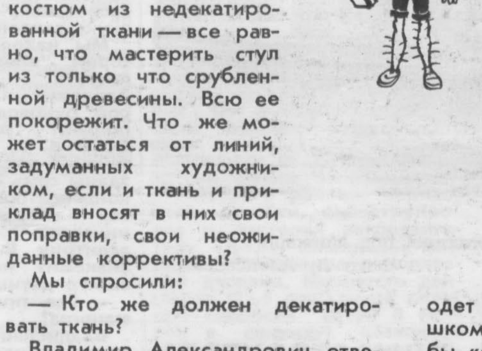
— Конечно,— заверяет главный инженер.— Разве мы можем что-нибудь менять в фасоне? Нам таких прав не дано, да и представитель Дома моделей Николай Ильич Межуев часто у нас бывает, следит за качеством и точностью кроя и шитья.

На следующий день мы встретились с конструктором Николаем Ильичом Межуевым. Разговор происходил в знакомом уже доме на Кузнецком мосту. Снова просмотровый зал был полон, снова поражало изобилие превосходных моделей.

— Вы видите демонстрацию готовых моделей,— начал Межуев,— но этому предшествовала большая работа многих людей. Художник создает костюм. Он утверждается на художественном совете Общесоюзного дома моделей, на так называемом «расписании». Здесь в присутствии представителей фабрик и торгующих организаций фасоны расписываются по предприятиям. Потом мы, конструкторы, делаем техническую документацию для швейников, даем им лекала. А дальше мы, если так можно выразиться, ходим по процессу...

От главного конструктора Дома моделей Владимира Александровича Морозова мы узнали, что значит ходить по процессу.

— Это значит, что мы проверяем, насколько точно воспроизводится наша конструкция. Да только ходи не ходи, а новой модели все равно не убережешь. Почему, спрашиваете? Не в наших это силах. Разве можно шить костюм из недекатированной ткани? Знаете, что такое декатировка? Это, попросту говоря, запарка ткани, ее уплотнение. Пройдя обработку паром, ткань уже не будет подвергаться никаким изменениям. А они могут быть значительны. Шерсть, например, дает усадку четыре — шесть сантиметров, шелк — десять — двенадцать. Столько же приблизительно и парусина. Шить костюм из недекатированной ткани — все равно, что мастерить стул из только что срубленной древесины. Всю ее покорежит. Что же может остаться от линий, задуманных художником, если и ткань и приклад вносят в них свои поправки, свои неожиданные коррективы?

Мы спросили:

— Кто же должен декатировать ткань?

Владимир Александрович ответил:

— Текстильщики считают, что это должны делать швейники, а те, в свою очередь, кивают на текстильщиков. В итоге ткань вообще не декатируют... Вот вам первое и, если хотите, решающее отступление от созданного нами фасона. Ведь в Доме моделей мы ткань декатируем. Без этого модельер и не мыслит создание нового костюма. Но, как видите, художник предполагает, а текстильщики и швейники располагают...

Последние слова главного конструктора были заглушены аплодисментами — они были адресованы манекенщику, который демонстрировал новый темно-серый костюм. И, глядя на стройного молодого человека, на отлично сидящую на нем одежду, мы невольно вспомнили тот неодушевленный манекен, который стоит наискосок от Дома моделей в витрине магазина. Вот так же, что называется, наискосок, ломая и искажая линии фасона, созданного художником, ползет недекатированная ткань.

А наш собеседник продолжал развивать свою мысль:

— Процесс декатировки — важнейший процесс швейного производства. Но есть и еще один, не менее важный вопрос — вопрос кроя. На фабриках при малейшей небрежности очень просто отойти от утвержденной линии. А если допустили ошибку, она нарастает, как снежный ком, от операции к операции.

Нам остается к этому добавить немного: уж слишком верят товарищи из Дома моделей своим «охранным грамотам» — лекалам, у которых концевые срезы заштампованы. У тех, кому безразлично, как одет наш советский человек, слишком много лазеек для того, чтобы «сработать наискосок».

Демонстрация новых костюмов в Общесоюзном доме моделей.
Фото О. Кнорринга.

ОДНОГОДКИ

В свое время в селе Квеши, Горийского района, в колхозе «Цители Картли» коммунист Сико Цацашвили на одном гектаре высадил сто две яблони местного сорта «кехура», очень урожайного, дающего крупные, сочные, красные плоды. Эти яблоки славятся с незапамятных времен тем, что в течение целого года так же свежи, как будто их только что сорвали с ветки.

Задача была в том, чтобы получать как можно больше плодов с каждого дерева. Сико Цацашвили добивался этого неутомимой работой. В первый же год плодоношения он собрал 350 центнеров. Далее урожай рос год от года: в 1948 году — 400 центнеров, в 1950 году — 470, 1954 году — 650...

О славном гектаре заговорили советские садоводы. Цацашвили наградили орденом Ленина, он стал постоянным участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В Квеши, к подножию Кавказского хребта, многие приходили учиться.

В прошлом году Сико Цацашвили собрал со своего участка столько яблок, сколько не снилось ни одному садоводу в Грузии — 740 центнеров. Это был последний урожай, собранный его руками. Зимой колхозники Квеши хоронили своего знатного односельчанина.

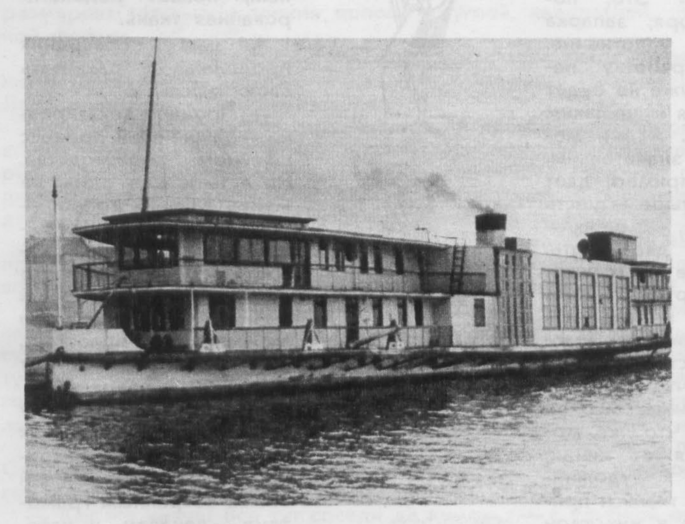
Когда в правлении колхоза встал вопрос, кому передать осиротевший сад, все единодушно решили: одному из способнейших учеников Сико — секретарю колхозной комсомольской организации Михаилу Рчеулишвили. Кстати, яблони и юноша — одногодки. Молодой садовод обещает:

— С гектара дядюшки Сико будет в этом году 800 центнеров!

И. МЕСХИ

На снимках: Михаил Рчеулишвили и его «одногодки» — цветущие яблони.

Фото В. Джейранова.

Плавучий завод в Ногатине, под Москвой.

Фото Л. Алексеева.

Плавучий завод-домостроитель

Полвека проплавал по водным магистралям страны грузопассажирский пароход «Память Хохрякова». Устаревшее судно хотели списать, пустить на слом. Но судьба его сложилась иначе...

...По деревянному трапу поднимаемся на борт. И сразу же возникает необычайная картина: всюду машины, приборы, транспортеры, элеваторы, автопогрузчики. Почти весь носовой трюм занимает автоклав.

Там, где судовые повара готовили для пассажиров солянки и бифштексы, стоит дезинтегратор; там, где буфетчица бойко торговала водами и закусками, работает известегаситель. В переоборудованных каютах размещены лаборатория, аккумуляторная станция, жилые помещения для рабочих.

Пароход превращен в завод. Он выпускает новый строительный материал, силикальцит, сырьем для которого служат речной песок и сравнительно небольшое количество извести.

Плавучий завод дает все то, что требуется для возведения жилого дома: фундаментные, стеновые и перегородочные блоки, панели перекрытий, кровлю. Пришвартуется такой завод к поселку речников, изготовит из местных материалов необходимое количество блоков и панелей, рабочие соберут из них дома, и судно трогается в дальнейший путь.

— Нас с нетерпением ждут окские и волжские речники,— говорит начальник производства Евгений Георгиевич Озоль.— Но придется задержаться в Москве. Для рабочих Ногатинского завода мы должны построить из силикальцита двадцать четырехэтажных домов.

Плавучий завод полностью механизирован. Его производительность — восемь тысяч кубометров силикальцита в год, что заменяет почти четыре миллиона кирпичей.

Министерство речного флота РСФСР намечает переоборудование ряда устаревших судов в плавучие заводы строительных материалов.

В. БОРОНИН

Машина сшивает металл

На Всесоюзной промышленной выставке демонстрировалась небольшая, по виду напоминающая шкафчик электрическая точечно-конденсаторная машина, или сокращенно «ТКМ-7». Эта машина ударом электротока в одну точку прочно, можно сказать, намертво соединяет различные металлы малой толщины, будто ставит в нужном месте своеобразную электрическую заклепку.

Мы находимся в лаборатории электротермии Института электротехники Академии наук УССР, которой руководит член-корреспондент Академии наук СССР К. К. Хренов. Здесь в течение ряда лет были созданы семь моделей точечно-конденсаторных машин. Автор машины кандидат технических наук инженер-электрик В. Э. Моравский знакомит нас с действиями своего детища.

— Где применяется ваша машина?

Владислав Эдуардович достает коробку с разнообразными деталями. Среди них корпус фотоаппарата «Киев», обработанный с помощью точечно-конденсаторной машины.

— Видите, здесь она заменила клепку. В других случаях заменяет запрессовку, фальцовку, пайку. Машины типа «ТКМ» эксплуатируются на многих заводах Киева, Москвы, Ленинграда, Горького.

— Каковы отзывы производственников?

— Весьма лестные. Вам, конечно, известно, что соединять мелкие и мельчайшие детали толщиной менее 0,5 миллиметра — процесс достаточно трудоемкий. Конденсаторная сварка в производстве радиоаппаратуры, фотоаппаратов, реле и других приборов вдвое повышает производительность труда. Сварка длится тысячные доли секунды. Соединять удается алюминий, медь, латунь, бронзу, нержавеющую сталь, цинк, платину, золото, серебро как между собой, так и в различных сочетаниях.

— Над чем вы работаете теперь?

— Перед нами была поставлена задача добиться герметичности металлических соединений. Смотрите!

Моравский пускает в ход машину, подобную «ТКМ-7», с двумя медными дисками с наружной стороны. Пластинки из нержавеющей стали, пропущенные между этими вращающимися дисками, были тотчас сшиты неразрывным швом.

— Это образец одной из наших новых шовных конденсаторных машин,— сказал В. Э. Моравский.— Они разработаны мной и доцентом Киевского политехнического института Сергеем Васильевичем Свечниковым. Шовные машины герметически сваривают латунь, бронзу, низкоуглеродистую и нержавеющую стали, никель, нихром, тантал.

В. ШУМОВ

К. К. Хренов (справа) и В. Э. Моравский в лаборатории электротермии.

Фото М. Мельника.

Нил в Москве

Из Египта в Одессу Нил плыл на пароходе. В Одессе его поместили в специальный вагон, и на третий день он был уже в Москве.

Нил—серый чистокровный жеребец арабской породы. Его подарил Советскому Союзу Президент Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насер.

Советские специалисты-коневоды были восхищены статями этой прекрасной лошади. Нил чувствует себя на новом месте превосходно.

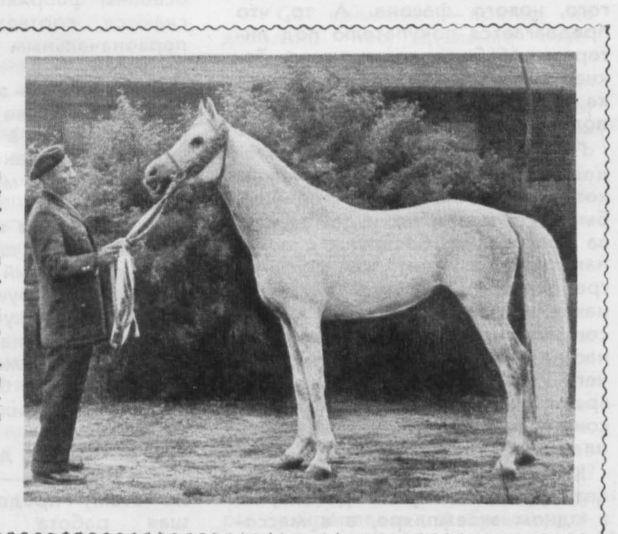

Фото С. Фридлянда.

Михаил Нуайме в Полтавском музее В. Г. Короленко.
Фото П. Кекало.

ДРУГ ИЗ ЛИВАНА

До этого я видел известного арабского писателя Михаила Нуайме только на портрете в книге академика И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями». Портрет был давнишний, художник изобразил Нуайме молодым. Но в Киевском аэропорту, как только Нуайме вышел из самолета, я сразу узнал его.

Легко представить себе чувства человека, который пятьдесят лет назад уже бывал на этой земле, где проходила его юность. Нуайме приехал на Украину в 1906 году. Окончив учительскую семинарию в Назарете, он затем поступил в Полтавскую семинарию. Не случайно многие люди из арабских стран тянулись в Россию: это было время, когда на Ближний Восток проникали прогрессивные идеи лучших людей России, гуманные заветы Пирогова и Ушинского. Произведения лучших русских писателей притягивали молодежь стран Арабского Востока, как культура народов Арабского Востока притягивала к себе наших ученых.

Многое вспомнилось Михаилу Нуайме. Он пожал мне дружески руку и сказал:

— Истосковался я по России, по Украине... Показывайте все! Хочу надышаться воздухом моей второй родины — Украины, насытиться впечатлениями, которых мне так не хватало.— Он на минутку задумался и добавил: — Когда Николай Тихонов спросил меня, куда бы я хотел поехать, я сразу назвал, кроме Киева, Полтаву. Ведь это же город моей юности!

И вот мы едем в Полтаву. Я раскрыл томик произведений украинского поэта, действительного члена АН УССР Агафангела Крымского «Пальмове гілля» («Пальмовые ветви»). Стихи посвящены Ливану, где в свое время жил и работал известный наш арабист, друг Франко и Леси Украинки, Крымский. Слушая стихи на украинском языке, Нуайме, наверное, вспоминал родные горы Ливана...

За окном бежали поля Полтавщины. Нуайме жадно приник к окну.

— О, знакомые места! — воскликнул он.— Знакомые, но какие неузнаваемые!

В Полтаве мы без конца бродили по улицам и улочкам. Нуайме пристально всматривался в лица, словно стараясь прочитать думы людей, понять те перемены, которые на каждом шагу так поражали его. Он вспомнил, как когда-то, изгнанный из семинарии за участие в семинарском бунте, жил в селе Герасимовке на Полтавщине и написал там стихотворение «Замерзшая река». Вот строфа из него:

О, мы верим, Русь,
Верим всей душой,
Что весна придет
И в твои края.

Немало повидал в эту свою поездку Нуайме, со многими людьми встречался. Он приобрел у нас в стране много истинных, верных друзей.

Вернувшись на родину, Нуайме прислал мне письмо.

«Вот уже пятый день,— пишет Нуайме,— как я вернулся в Ливан, и все не верится, что я дома. Так переполнены голова и сердце впечатлениями дней, проведенных в России, что нелегко от них оторваться хотя бы на час, на мгновение».

Нуайме прислал мне свои книги рассказов, двухтомник арабских поговорок, собранных профессором Анисом Фрайхом в своей деревне. Все это нужно бы обнародовать. И вот я вспомнил, что при жизни Крымского вместе с ним трудился Тауфик Джубраилович Кезма, по национальности араб, впоследствии работавший в Киевском университете и воспитавший немало арабистов. Я заочно познакомил его с Нуайме. Началась переписка. Сейчас мы можем порадовать нашего ливанского друга: его книга рассказов «Знатные» в переводе Тауфика Кезма вышла в Гослитиздате Украины. Она была преподнесена Гамаль Абдель Насеру как свидетельство наших крепнущих культурных связей с арабскими странами. А недавно была получена новая книга Нуайме — «Путешествие в Советский Союз». Книга эта, как пишет в своем последнем письме Нуайме, «отвергает много клевет против советского строя и показывает его как течение естественное и необходимое в эту эпоху человеческого развития. В то же самое время книга выражает глубокую веру в гений русского народа и в его миролюбивое и гуманное настроение».

О. НОВИЦКИЙ

г. Киев.

По страницам журналов

Атомный локомотив. Использование атомной энергии на транспорте — дело близкого будущего. Наиболее эффективным окажется применение ядерной энергии на водных путях, особенно морских, при дальних рейсах, например, из Европейской части СССР в Азиатскую, по южным или северным морям. Так же могут быть оснащены атомными установками и локомотивы на железных дорогах. Такой локомотив способен возить поезда круглый год без заправки горючим. Решая такую задачу, наши ученые должны преодолеть немалые трудности. Необходимо, в частности, найти надежную биологическую защиту. Но недалеко уже то время, когда у нас начнут курсировать атомные поезда **(«Железнодорожный транспорт»).**

Дома на сваях. В Москве в виде опыта возводятся дома без подвалов. При постройке таких домов вместо сборных бетонных фундаментов применены железобетонные сваи. Это способствует ускорению строительства, снижает общие затраты почти на одну треть **(«Бюллетень строительной техники»).**

Светоуправляемый трактор. Учащиеся Ленинградского технического училища № 4 А. Алексеев и В. Иванов изготовили модель оригинального трактора: он управляется на расстоянии узким пучком света, направляемым на фотоэлементы. Один из вариантов конструкции такого трактора направлен на выставку в Брюсселе **(«Радио»).**

Танкер-гигант. Балтийский завод в Ленинграде приступил к постройке танкера водоизмещением около сорока тысяч тонн. Корабль сможет принимать в свои трюмы двадцать пять тысяч тонн жидкого топлива и совершать рейсы с Черного моря на Дальний Восток, не заходя по пути в порты **(«Вестник машиностроения»).**

ВАЗА «СПУТНИК»

На ВСХВ был представлен интересный экспонат. Увидя его даже издали, и взрослые и дети невольно произносили: «Да ведь это же спутник!..»

Именно так назвал свою декоративную вазу Эрих Иоганнович Нигулас — заместитель председателя садоводческой артели «Агу» («Восход») из Эстонской ССР.

Фото Г. Коносова.

Из почты «Огонька»

Письмо незнакомому воину

Я надеюсь, что этот снимок, опубликованный в «Огоньке», вызовет живой отклик, что советский боец, изображенный в группе жителей чехословацкого города Брно, узнает себя и напишет мне о своей жизни.

Дело было так: утром 26 апреля 1945 года вдруг стихла стрельба, и мы, скрывавшиеся в подвале, впервые вышли на улицу. Со слезами радости подбежали мы к первому увиденному нами солдату Советской Армии, освободившей нас от гитлеровских захватчиков.

В память этой встречи я сфотографировал молодого воина, но был так взволнован, что забыл спросить его имя и адрес. Боец успел сказать нам всего несколько слов и вместе со своей частью ушел дальше, преследуя отступающего противника.

Где-то он теперь? Как сложилась дальнейшая его судьба?

Если Вы живы, далекий, незнакомый друг, отзовитесь, напишите своим чехословацким товарищам.

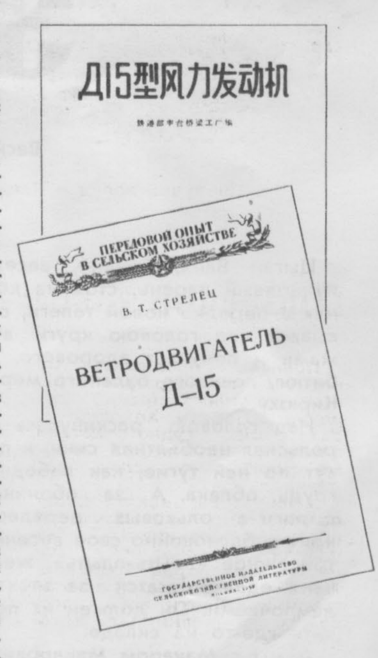
Кейвал БЕДРИХ
Чехословакия,
г. Брно, ул. Рышанкова, 6.

Неизвестный советский воин в группе молодежи чехословацкого города Брно.

Книга колхозного механика издана в Китае

Расскажем коротко о судьбе книги, обложка которой на русском и китайском языках показана на этом снимке.

Механик В. Т. Стрелец из артели имени Чапаева, Чернобаевского района, Черкасской области, сконструировал и построил ветродвигатель «Д-15», нашедший широкое применение в колхозной деревне. Мощность двигателя (22,6 лошадиной силы при скорости ветра 8 метров в секунду) позволяет механизировать водоснабжение, размол зерна, переработку грубых и сочных кормов, распиловку леса и другие трудоемкие работы. Первые образцы таких двигателей были испытаны в колхозах Киевской, Полтавской, Кировоградской и Черкасской областей. Харьковская опытная станция механизации сельского хозяйства рекомендовала их внедрение. И вскоре массовым тиражом была выпущена сначала на Украине, а потом и в Москве книга В. Т. Стрельца — подробное, с чертежами описание устройства ветродвигателя и способов его изготовления.

Опыт украинского колхозного механика начал распространяться в народном Китае. На Пекинском мостостроительном заводе «Фунтайтяолян» под руководством инженера Дун Тянлина по материалам книги В. Т. Стрельца был изготовлен первый китайский образец ветродвигателя «Д-15».

Весть о новой машине быстро разнеслась по Китайской Народной Республике. Из различных провинций, уездов, от кооперативов, от отдельных тружеников деревни посыпались запросы. Многие лично приезжали на завод посмотреть ветросиловую установку. А совсем недавно книга колхозного механика В. Т. Стрельца вышла в свет в Пекине на китайском языке. Перевод с русского сделал инженер мостостроительного завода товарищ Дун Тян-лин. В письме, адресованном Харьковской станции механизации, товарищ Дун Тян-лин благодарит за присланный ему для перевода экземпляр книги и передает сердечный привет автору — Владимиру Трофимовичу Стрельцу.

Н. ГОЛУБЕВ,
научный сотрудник Харьковской опытной станции механизации сельского хозяйства.

Председатель колхоза имени Радищева И. А. Денисенков.

На смоленской ЗЕМЛЕ

Василий ТИТОВ

Фото М. САВИНА.

Цыган Ваня, бойкий, веселый кучерявый парень, стоя на коленях в передке новой телеги, описывает над головою круги вожжами и понукает здорового, как битюг, ленивого буланого мерина Кирюху.

Над головою раскинулась апрельская необъятная синь, и плывут по ней тугие, как лебединая грудь, облака. А за обочинами дороги в ольховых перелесках кричит беспокойно свое весеннее, тревожное «плыть-плыть» желна. Ваня едет в Гжатск за электролампочками. Он должен их получить где-то на складе.

А мы с Макаром Макаровичем Зёминым едем вместе с Ваней в город за тем, чтобы оттуда с попутной подводой добраться до колхоза имени Радищева, что стоит километрах в восемнадцати от Гжатска. У Макара Макаровича там есть дело на мельнице, а у меня в колхозе свой интерес. Зёмин уселся хозяйственно в телеге, вытянул поудобнее ноги и ведет разговор:

— Слов нет, возможности у нас теперь великие. Во-первых, рубль на нас стал стопроцентно работать. Ну, и мы на рубль работаем не хуже. Получается умнó: мы, во-первых,— на него, он — на нас. И складывается тут у нас от этого ситуация — запросы!

Слово «во-перьвых» Макар Макарович произносит значительно, с ударением. Я знаю: в колхозе он уже за него поплатился. Втихомолку его теперь так и зовут: «Макар-во-перьвых». Свою беседу он разворачивает так:

— Вот вы говорите, культура. Во-перьвых, вы у меня в доме были? Были. В доме у меня никелевые кровати, велосипеды, патефон, радиола, при ней же и радио. Батареи сам заряжаю, дело привычное. Есть книги. В гостях у меня бывают через радио и Бетховен, и Шолохов, и наш Глинка, и Твардовский — наши земляки.

Но тут такая ситуация: что же я, в одиночку культурой-то пользоваться должен? Выбираться-то мне из избы на люди нужно? А куда выйти? Ну, выйду я во двор, на улицу, погляжу на свое сельбище, на пять изб наших, на луну, на звезды. И обратно в дом. Включу радиолу, сшибусь эдак один на один с «Иваном Сусаниным» или с Онегиным. И вдруг спохвачусь: да это же я один на один с культурой. И получается у меня, как на зимовке на Южном полюсе.

Вот тут я и спрашиваю: а та ли мне норма культуры отпущена, какая мне нужна? Ведь, во-перьвых, получается что? Радио говорит, а меня не видит, на вопросы мои отвечать не может; книжка меня видит, а молчит, и все ли, что нужно, она мне говорит, проверить негде. Или вот Ленский поэт. Уж я это «Куда, куда вы удалились», как наседка какая, все до нотки изучил и сам, ежели надо, для себя спою. А видал ли я когда-нибудь Ленского, какой он на сцене? Нет, не видал и представить себе этого поэта не могу. Ежели, скажем, в Смоленск, в театр поехать, так это уже мне не по годам. А к нам театр не едет. Где это ему со всей той дворянской усадьбой на нашей колхозной сцене развернуться! И вот ситуация: такая норма культуры для меня — пройденный этап.

— Это почему же, Макар Макарович?

— Как почему? Объясняю же, какая си-ту-ация! Давайте еще раз разберемся. Во-перьвых, доход, достаток, накопления. Машины. Скотные дворы на центральной усадьбе в Астахове нашем такие, что коровы их года три еще будут отрабатывать. Стучит там у нас своя электростанция. И много есть других новых служб. А дальше что? От центральной усадьбы, от Астахова-то: Зонино — пять дворов, Подсосенье — девять, Курово — шесть дворов, Большая Холмина — один дом. И так и далее. И вот гляжу я на свое селение и на остальные и думаю: зимовки! Тут я в одиночку сижу; там, в Большой Холмине, Иван Петров одолевает культуру в одиночку.

И вот, говорю, нам уже с Иваном Петровым нужен клуб или зала, где бы мы могли обсудить кое-что или узнать: а из чего состоит наша смоленская почва? Ведь как же иначе-то, на смоленской земле я не только живу, а лен ращу. И я даже скажу: не клуб, а прямо даже Дом культуры нужен! А у нас на селе еще эпохой избы-читальни пахнет.

Ну вот, скажем, изба-читальня, или больница, или медпункт, и даже школа. Ведь где их ставили? На междуселье. От каждого села туда дорожка. И вот изба-читальня как встала когда-то там, так и стоит.

Ведь это, может быть, когда-то и удобно было. Вспомните те времена: она, изба-то-читальня, среди наших мелких сел, как штаб какой была. Туда и за газетой, и за городскими новостями, и даже за указаниями в случае чего бегали. Да прошло это время. Теперь у нас и радио, и газеты, и книги на дому. До-ома!

...До города еще далеко. Я сижу рядом с Зёминым на грядушках телеги, слушаю, думаю. А думать есть о чем. Вот уже лет пять не был я на смоленской земле, и сколько всего тут произошло, и сколько всего тут нового появилось! Поднялась, приоделась, пообстроилась хватившая в годы военных бед горя эта хорошая земля. Кипит в селах

— Что же не втащили аппарат в здание? — спросил я.

— Да школа же! Разве можно широкопленочный аппарат втащить в нее? И опасно, и займешь полшколы. А узкопленочных аппаратов у нас нет или, кажется, всего один на весь район. Мы и так тут по полгода не бываем, нам хахоть так обслужить ребятишек.

— А здесь где-то изба-читальня была,— встрепенулся шофер.

— Да вон она,— ответил механик,— заколоченная стоит. Правление колхоза на центральной усадьбе клуб новый поставило. Верст десять отсюда будет. Далеко ребятам ходить туда. Не знаете ли, когда заберут их туда со всеми пятидворками да семидворками?

Хорошие заботы занимают людей смоленской земли! Жизнь поднялась высоко, и никуда не уйдешь от них, от этих вопросов, их надо решать.

...Кирюха доставил нас в город, сам завернул на площадь к магазину культтоваров и остановился. Ваня ему не перечил, сказал: «Молодец!»

А мы, отыскав подводу, что шла на Никольское, поехали с Макаром Макаровичем в колхоз имени Радищева. Еще вчера в Астахове он мне говорил: «Вот вы много уже объездили наших смоленских колхозов. Но вы всетаки побывайте у Денисенкова, посмотрите колхоз. Под Гжатском он один из лучших. Умело там вкладывают рубль в хозяйство. А вот с культурой, со строительством и у них такая же ситуация. Побывайте, посмотрите».

И вот уже колхоз имени Радищева. Макар Макарович ушел на мельницу, хлопочет там по своим делам. А я хожу по хозяйству. Крепкое. Фермы на центральной усадьбе стоят надежные, высокие, добротно слаженные, шлакобетонные, долговечные. Работает механическая зерносушилка под высокой крышей. Строится новое обширное шлакобетонное здание зерносклада.

Недалеко и электростанция. Дальше за ней мельница шумит. У коровников сортируют силос.

Все это на центральной усадьбе. А рядом клуб и правление колхоза. Фасадом клуб — на старую улицу. За нею, как с иголочки, новая улица. Название ее — улица Мира. Дома хоть и без украшений, но все под черепицей, руберойдом. По улицам столбы электроосвещения.

Все обстроено надежно, ладно. А ведь давно ли по этой земле великим разгромом прошла война? Под Гжатском немецкие фашисты создавали «зону пустыни».

В ранах было и Никольское. Сейчас в нем больше ста домов. Прибавилось их и в Шастове, и в Улитино, и в Рытом, и в Петелино, и в Сельце, что стоят вокруг Никольского и вошли в единое коллективное хозяйство.

— Как, с чего это взялось опять и пошло?

С этого вопроса я начал беседу с председателем Денисенковым, когда под вечер сели мы с ним за стол в его кабинетике, в прирубке, что в связь поставлена вместе с клубом. Денисенков провел трудный вечерний разнарядный час. Были у него перед этим разговоры и с мельником, и с механиком, и с бригадирами, заходили люди и по разным другим делам.

— С чего? — переспросил меня Иван Антонович и ответил: — Нужен был общий экономический толчок. И вот деревня на глазах меняется. Самым сильным толчком в этом будет, пожалуй, передача техники в колхозы. Это толчок самого высокого политического смысла. Его деревня радостно воспринимает и уже ладит строить свою жизнь на высокой культурной основе.

Он задумался и продолжал:

— Нам в этом году придется строить Дом культуры, молокозавод, медпункт, новый коровник на двести голов, свинарник на шестьсот откормочных голов, гараж на шестнадцать машин, овчарник на пятьсот голов, две конюшни на сто голов, сорок жилых домов, шесть шохов — крытых токов. Два миллиона на все на это есть. И дальше будем обзаводиться всем своим вплоть до школ и больницы. Но скажите мне: как, где и на сколько лет вперед нам строить? Этот вопрос возникает не только перед нами. В районе у нас еще восемнадцать колхозов. В распоряжении их миллионы рублей. И все строят и будут строить. Но есть ли у нас общий, хотя бы районный план строительства наших агрохозяйств и селений? Плана такого нет. В промышленности мы организовали экономические районы. О целесообразности и важности этого говорить не приходится. А не есть ли каждый большой колхоз своеобразный экономический микрорайон? Чтобы его строить, нужна ясная перспектива, многолетний план. Пора нам кончать и с пятидворками и семидворками, что стоят на отшибе. А как кончать? Тут без экономиста не обойдешься. Не обойдешься и без архитектора и планировщика. В самом деле, размещать постройки, службы и селения в таком экономическом микрорайоне следует сообразно с общим планом его развития. А вот его-то у нас и нет. Все от себя, все только по своему разумению строим, без особого загляда вперед. В трудную минуту едешь в райком партии советоваться. Как же, нельзя решать такие вопросы в одиночку. Но скажите: разве в райкоме есть специалисты по всем вопросам строительства? Нет же в райкомах ни штатных планировщиков, ни архитекторов, ни экономистов.

У нас во всем Гжатском районе даже инженера-строителя нет. И достается всем нам туго. Вот так думаешь: выстроим Дом

бурливая, текущая все вперед жизнь. Сам народ будто помолодел, как-то по-особому выпрямился, уже не ведет речи о разрухе, упадке, а, собрав как бы воедино свое сильное, мускулистое тело, вершит и вершит новые, приспевшие крепко большие дела. Знать, не в привычках русского человека толковать да горевать много о потерянном.

Еду, держу в памяти всего несколько цифр, что узнал в Смоленском облисполкоме. Всего три года назад по всем просторам смоленской земли было только два колхоза-миллионера: где-то под Ярцевом — «Семнадцатая годовщина Октября» — да под Гжатском — «Пятнадцать лет Октября». А сейчас их по области, миллионеров, сотни. И доходов у колхозов по области уже не 150 миллионов «с хвостиком» ото всех статей за год, как было три года назад, а 820 миллионов рублей.

И вот уже от них, от этих миллионов, сотни новых долговечных ферм, тысячи новых домов, хозяйственных служб — от хороших зернохранилищ до гаражей, радиоузлов, бань и электростанций. И вот уже все больше и больше забот о культуре. Когда едешь по смоленской земле, они всюду возникают, разговоры о культуре: и в придорожной чайной и в любом автобусе, что от Смоленска бежит на Ярцево, Сафоново, Вязьму или на Можайск.

Как-то мы под вечер с шофером исполкомовской машины свернули за Ярцевом по проселку в глубинный Батуринский район и часа через два езды по ухабам остановились у одинокого одноэтажного здания, что стояло на бугре. В окнах мелькали лунные вспышки. Сразу можно было догадаться, что там идет кино. Но как оно шло! Киномеханик, продрогший и угрюмый, пропускал сноп света от аппарата на экран внутрь здания через оконное стекло прямо с улицы.

На улице Мира в Никольском.

Молодые специалисты молодожены Семен Мамичев, ветфельдшер, и его жена Людмила, зоотехник; оба работают в колхозе после окончания Гжатского зооветтехникума.

культуры где-нибудь на красивом бугре, а года через два краснеть будем оттого, что не там его поставили. И бугор-то лыс, и парка разбить негде возле него. Мы вон едва построили первую свою улицу, улицу Мира, а теперь уже и стыдок какой-то прохватывает. Ходим, смотрим, будто и крепки дома и свои они, а видим: стоят всего-навсего застекленные срубы под крышами. Никакой радости для глаза и сердца. Вологодские старые села, уверен, выглядят куда как красивее и самобытнее, чем эта наша новая улица.

По-моему, у нас о культуре на селе все как-то по-бедному говорят: клуб, радио, кино, книги. Радио — так его только у ленивого нет, книг — у нелюбопытного. Кино скоро в каждом колхозе свое будет, я-то уж уверен в этом. Да что кино, когда скоро в каждом доме будет стоять телевизор. Вы, наверное, видели вышки телепередачи, что протянулись по дороге от Москвы до Смоленска? Одна вон под Астаховом рядышком встала. Еще только встала, а многие колхозники уже озабочены покупкой телевизоров.

Это доступная культура. Но более значимая культура сейчас, пожалуй, в ином. Нужно, чтобы росла удовлетворенная деревенской жизнью сельская интеллигенция, для которой село — дом родной. Вот это больше всего нужно сейчас деревне. Многие, думая о деревне, часто отдых, развлечения путают с настоящей потребностью в культуре. Скажите, а разве труд на земле никакой более глубокой культуры, чем кино, не требует?..

Я ушел от Ивана Антоновича на постой за полночь. А сейчас вот опять голубое небо над головой. Теперь мы едем с Макаром Макаровичем обратно в Астахово на грузовике, и он спрашивает меня:

— Ну, как ситуация? Во-перьвых, видали колхоз? Прет! Десять миллионов рублей доходу запланировали взять в этом году. И возьмут! И другие наши колхозы свое возьмут. Ну а как, с Денисенковым о культуре говорили? Говорили. Он как о ней, а? Как я, говорите? Ну, вот видите, это приятно. Одна точка зрения. И скрозь у нас так везде озабочены. Ну, а я вот еду сейчас, гляжу и думаю: вот дороги! Плохие у нас дороги. А кто сказал, что для нас их кто-то должен строить? Наши дороги, мы по ним ездим, значит, и строить должны. Но чтобы строить дороги, нужен камень. Нельзя ли, мыслю, где-нибудь межрайонный учредить карьер? Или вот дома. В городах давно уже сборные ставят: из блоков, из цементных частей. Едешь по городу, видишь, написано: «СМУ» — значит строительно - монтажное управление. А нельзя ли вот, скажем, и нам в колхозах завести такую индустрию, цементные заводы построить, кирпичные? Я это к чему? Пора деревне из деревянной становиться каменной.

«Пора, пора!» — мысленно соглашаюсь я с Макаром Макаровичем и спрашиваю себя: кто они, эти люди, что вот так надежно думают о деревне? Хоть, к примеру, мой спутник Макар Макарович Зёмин, кто он? Бывший крестьянин, старый колхозник, недавний солдат. Отстоял он все военные зори под Смоленском, ходил и за Дунай. У Ивана Антоновича Денисенко за плечами ленинградские блокадные годы, батарея, с которой он сторожил от врага небо города революции.

Говорят, эти люди, как хозяева. Слушаешь их и веришь, что скоро на смоленской земле будет сделано все как надо, все, о чем они сейчас говорят.

Сейчас деревня требует осмысленной, продуманной, спланированной и по годам и на кальке стройки своих хозяйств и сел, и в этом ей отказать никак нельзя. Так в половодье бывает: разольется вода, поймет все низовые широкие раздолья, и люди стоят тогда над поёмами и говорят: «Эко разлилось-то широко, конца-краю не видно, да будто еще и прибывает!»

Да что — и прибывает! И будет прибывать колхозное широкое половодье. Только готовься к нему и не забывай, что вешние воды бурливы и самые сильные, самые радостные. Их надо и направлять. Им только давай и давай дела!

В ОБЪЕКТИВЕ МАЛАЙЯ И СИНГАПУР

КУАЛА-ЛУМПУР

В. МАЕВСКИЙ

Недавно я побывал в странах, соседствующих с экватором,— в Сингапуре и Малайе. Со мной был старый, испытанный друг — фотоаппарат «Киев».

Конечно, это лишь небольшая часть снимков. Но и они, я надеюсь, дадут некоторое представление об этих далеких и интересных краях.

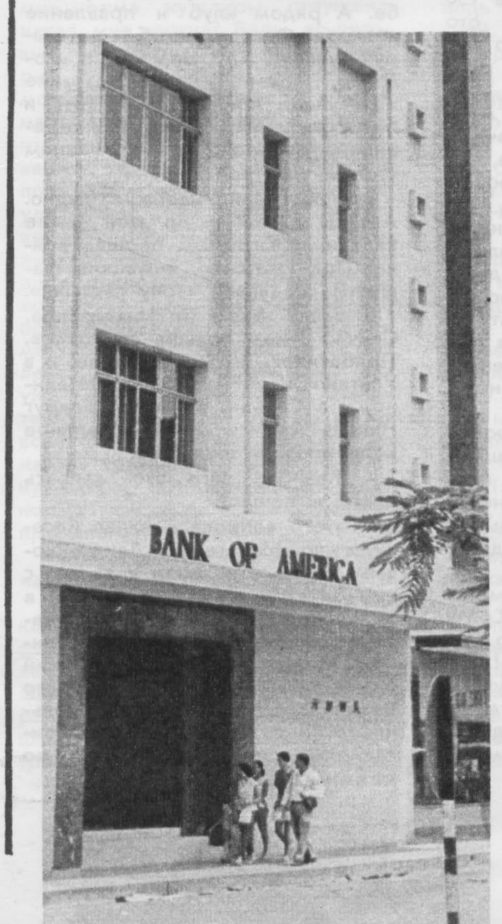
А о том, что не удалось увидеть и снять мне самому, расскажут снимки наших малайских друзей.

Прежде всего следует взглянуть на карту. Перед нами — узкий Малайский полуостров, напоминающий старинный японский меч «катана», с помощью которого самураи когда-то делали «харакири». Расширяющаяся часть полуострова — это Малайская федерация, независимость которой была провозглашена в прошлом году. Ее население — около 6 миллионов человек: китайцы, малайцы, тамильцы, евроазиаты, европейцы.

На самом острие меча — маленький остров Сингапур, все еще британская колония. Там живет полтора миллиона человек, главным образом в самом городе Сингапуре. Это крупнейший порт Малайи, важный торговый центр Юго-Восточной Азии, стратегическая база Англии.

Итак, мы в Сингапуре. Видите черный силуэт, который маячит над городом? Это памятник сэру Стэмфорду Рафлзу — одному из известных английских колонизаторов прошлого века. Почти сто сорок лет назад он высадился на месте маленькой рыбацкой деревушки и основал Сингапур («Город Льва»). Отсюда началось быстрое проникновение английских колонизаторов в Малайю.

Но на площади Рафлза в наши дни главную роль, кажется, играют уже не английские памятники, а Американский банк.

В «свободном порту» Сингапур можно видеть корабли под флагами всех стран.

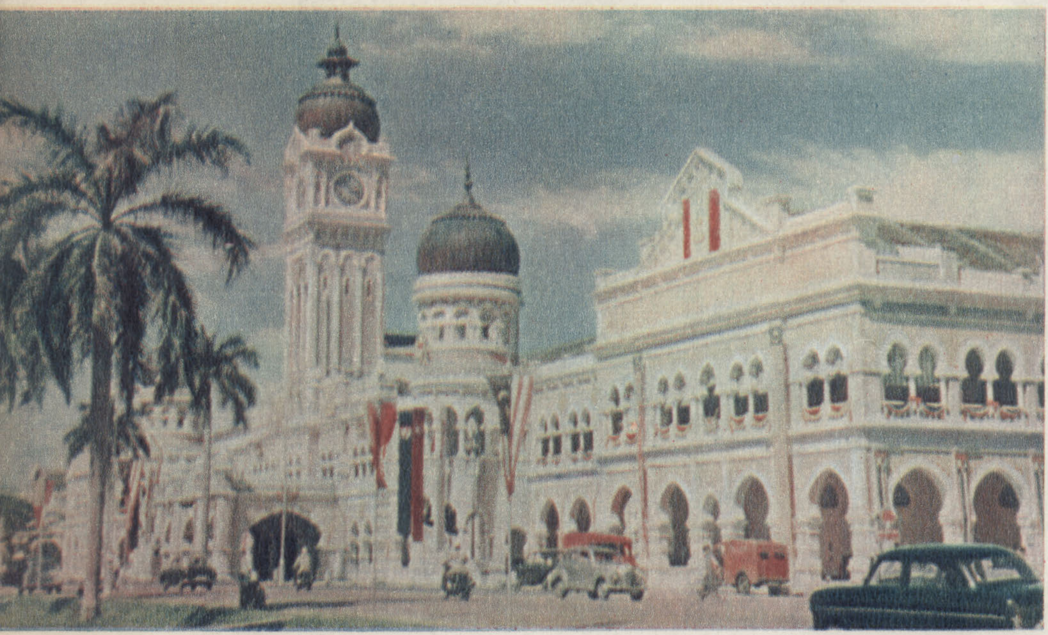

Колоритно выглядят кварталы Китай-города. Сотни ларьков с фруктами, напитками и разной снедью; белая, черная, красная, золотая вязь иероглифов вывесок; сотни машин и велосипедов; гомон толпы и над всем этим — гирлянды выстиранного белья на длинных бамбуковых палках.

Река Сингапур — одна из важных торговых артерий города. Следуя по ней, вы попадаете туда, где ютится мелкий торговый люд.

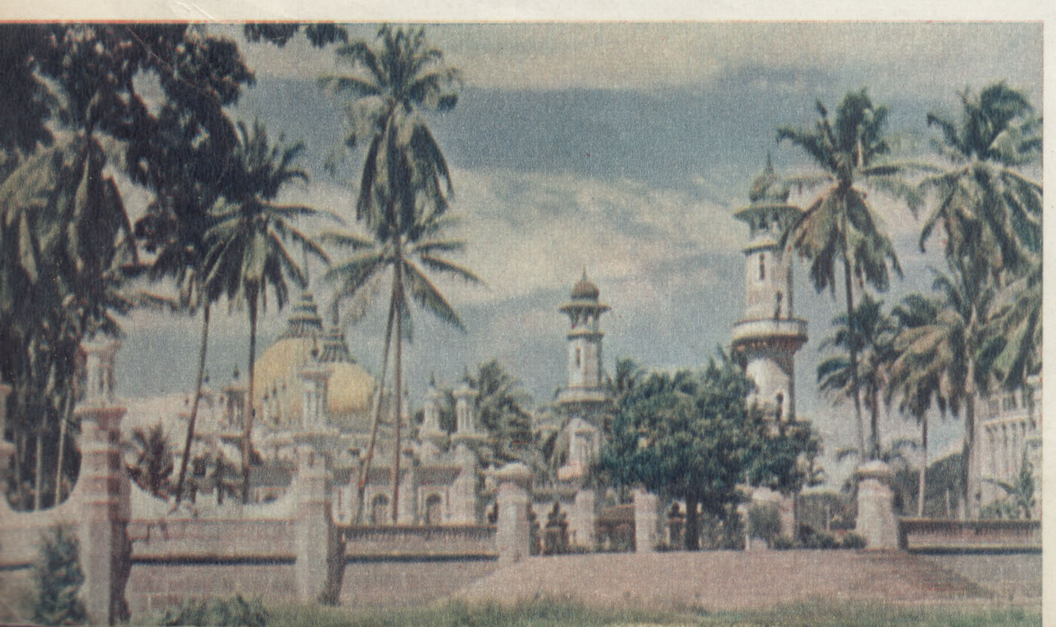
Столица Малайской Федерации — Куала-Лумпур. Этот город без преувеличения можно назвать городом-парком. Повсюду — буйная тропическая зелень; многие улицы — это просторные тенистые аллеи.

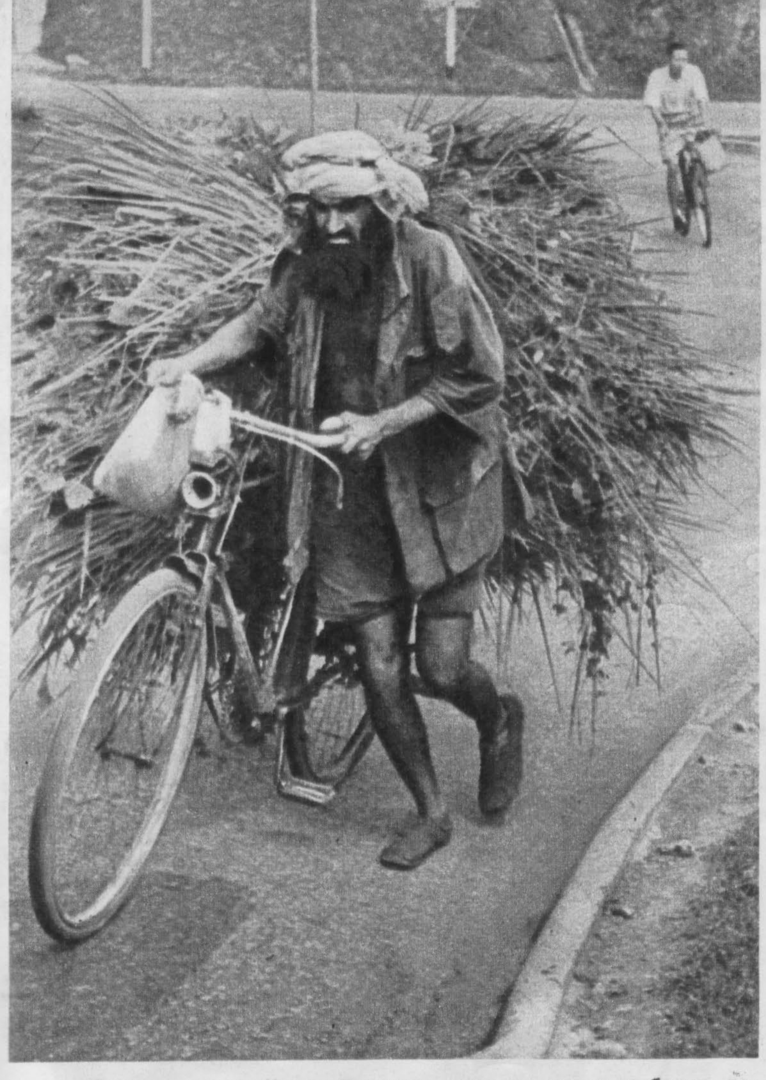
В центре города — правительственные здания. В их облике причудливо переплелись элементы арабской, индийской, европейской архитектуры. 31 августа прошлого года, когда была объявлена независимость Малайской Федерации, тысячи людей провозглашали здесь: «Мердека! Свобода!» Призыв этот обозначал не только то, что уже завоевано, но и то, что еще предстоит завоевать малайскому народу.

Индуистский храм. Он расположен при рабочем поселке на каучуковой плантации.

←
Мечеть в центре Куала-Лумпура.

Даже в центре Куала Лумпура — хижины рикш, рабочих, городской бедноты. Говорят, что их собираются снести, чтобы строить новые жилые дома, но пока здесь живут тысячи людей. Перед нами один из обитателей этих лачуг.

На долю Малайи приходится 40 процентов мирового производства натурального каучука и примерно треть олова. И каучуковые плантации и оловянные разработки принадлежат в основном английским монополиям.

Каждое утро сотни тысяч рабочих — мужчин и женщин — собирают жидкий каучук, сносят его ведрами к цистернам. Затем каучук отправляют на переработку.

Олово находится фактически на поверхности земли и на многих мелких разработках добывается путем промывки песка. На крупных разработках применяют хорошо оборудованные драги.

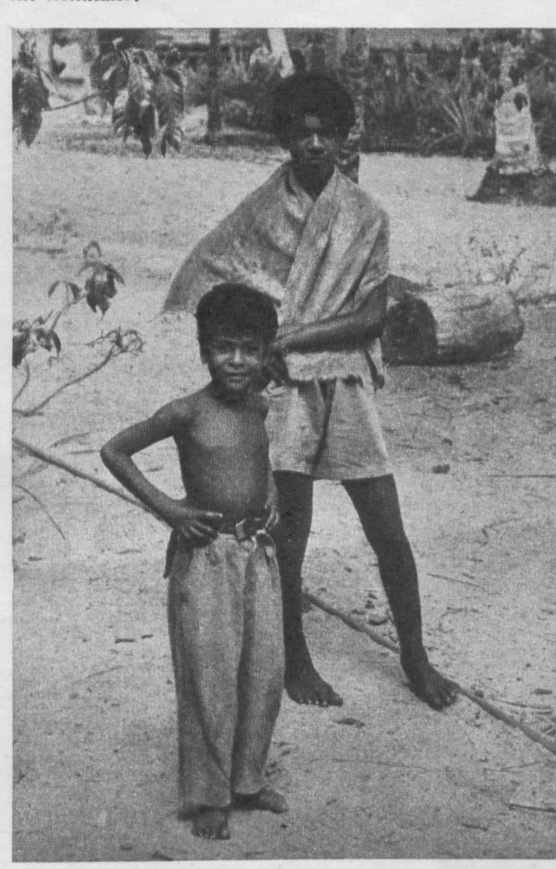
В центральных районах страны еще процветает родовой строй. Аборигены Малайи, древние племена, сохранили свои первобытные обычаи. Здесь стреляют из «духового ружья», ведут примитивное хозяйство, соблюдают древние ритуалы.

← В деревне рыбаков острова Пенанг неприхотливые строения, они напоминают «избушки на курьих ножках».

Большинство жителей Малайи занято сельским хозяйством. Вот малайский крестьянин обрабатывает поле под рис. Орудия труда здесь далеко не совершенны. ↓

Для старшего поколения жителей Малайи британский колониализм был злой мачехой. Ныне Малайя объявлена независимой федерацией. Станет ли она для этого молодого поколения родной матерью? Хочется верить, что станет.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

6. БИДОНЫ ИЗ-ПОД МОЛОКА

Вскоре после моего возвращения в комнату зашла Марта и сказала, что меня спрашивает какой-то мужчина.

Я вышел в переднюю. Там стоял незнакомый человек.

«Это еще что за птица?» — подумал я, глядя на посетителя.

Это был сравнительно молодой человек с открытым и добрым лицом — в глазах его, я бы сказал, светилась даже излишняя мягкость,— примерно тех же лет, что и я, может быть, чуть старше, одетый в очень дорогой костюм и в отличной фетровой шляпе персикового оттенка.

Незнакомец скорее понравился мне, чем не понравился, хотя сразу возбудил мои подозрения. Чем-то он вызывал к себе чувство симпатии, и в то же время во всем его облике было что-то деланное.

Я вопросительно смотрел на посетителя.

— Вы господин Берзинь? — Он обратился ко мне по-латышски, но языком этим он владел далеко не безупречно.

— Допустим,— сказал я.— Чего вы хотите?

Он оглянулся, но Марта уже ушла, она была хорошо вышколена Блейком.

— Может быть, мы выйдем из дома? — попросил он меня и откровенно добавил: — Так будет лучше...

Все последнее время я жил в обстановке такого нагромождения тайн, что никакая новая тайна не могла уже меня удивить: всякую тайну я воспринимал лишь как естественное звено в цепи дальнейших событий.

— Хорошо,— согласился я и взял шляпу.— Погуляем.

Мы пошли по улице, как два фланирующих бездельника.

— Может быть, перейдем на английский язык? — предложил мой спутник и тут же заговорил на хорошем английском языке.— Я рад, что нашел вас.

— Кто вы и что вам от меня надо? — строго перебил я его.

— Приятно находить то, что ищешь,— продолжал мой спутник, уклоняясь от прямого ответа на вопрос.

— Кто вы? — повторил я.— Что вам от меня надо?

— Не нужен ли вам шофер? — спросил тогда незнакомец.— Сейчас трудно найти хорошего шофера, почти все шоферы мобилизованы.

Основываясь на том, что мой собеседник хорошо говорит по-английски, я подумал, что он-то как раз и принадлежит к числу тех полноценных секретных агентов, которыми Блейк руководил в Прибалтике. В словах, с которыми он обращался ко мне, содержался, несомненно, пароль, но я не знал его, как не знал и отзыва. Я шел и гадал, какая фраза является паролем: «Приятно находить то, что ищешь» или «Не нужен ли вам шофер?»

А мой собеседник продолжал тем временем разговор.

— Мне просто повезло,— говорил он.— У меня плоская стопа, и я освобожден от военной службы...

Мы дошли до бульвара.

— Сядем? — предложил мой спутник.

Мы сели. Он осмотрелся по сторонам. Поблизости не было никого.

— Теперь познакомимся,— сказал незнакомец по-русски.— Капитан Железнов.

Такой прием для провокатора был слишком наивен, но я должен был заподозрить в нем провокатора; кто знал, какие подозрения вызывал я у немцев и кого могли они ко мне подослать!

—Я не понимаю вас,— ответил я по-английски.— На каком языке вы говорите?

— Да бросьте, нас никто не слышит,— просто и задушевно произнес незнакомец, назвавшийся капитаном Железновым.— Я знаю, что вы майор Макаров, и потому я к вам и пришел.

— Я вас не понимаю,— опять повторил я по-английски.— Чего вы от меня хотите?

— Да вы не опасайтесь, товарищ Макаров,— взмолился незнакомец, продолжая говорить по-русски.— Здесь нас никто не услышит.

Не могу передать, как мне было приятно слышать родную речь, да и поведение моего свалившегося точно с неба собеседника было слишком наивно для провокатора, но, как говорится, береженого бог бережет, а я вовсе не хотел рисковать понапрасну своей головой.

— Прекратите эту нелепую сцену,— сухо сказал я, не изменяя английскому языку.— Вы мне просто подозрительны, и вас следовало бы передать в руки сотрудников гестапо.

Но он был настойчив, этот человек, появившийся неизвестно откуда.

— Товарищ Макаров, я же все про вас знаю,— умоляюще произнес он.— Вас зовут Андрей Семенович, вы работник нашего генштаба; здесь, в Риге, вас пытались убить и даже сочли убитым... Я к вам от полковника Жернова...

Все это было верно, только не было у меня уверенности в моем собеседнике. Иностранные разведки тоже не лыком шиты, и если меня сумели убить, почему бы им не попытаться меня обмануть?

— Или вы будете говорить со мной на языке, который я понимаю,— строго сказал я,— или я позову полицейского!

Мой собеседник с досадой посмотрел на меня.

— Вы чересчур осторожны или вы не тот, к кому меня направили,— заговорил он наконец по-английски.— Полковник Жернов будет очень огорчен.

— А кто это полковник Жернов?

Теперь, когда мой собеседник опять заговорил по-английски, Блейку было уместно заинтересоваться полковником Жерновым.

— Вы такого не знаете? — с явным огорчением задал мне вопрос незнакомец.

— Во всяком случае, не помню,— отозвался я.— Возможно, мы и встречались. Это какой-нибудь русский офицер?

— Да, — подтвердил незнакомец.— И у меня от него к вам письмо.

— Написанное по-русски?

— Да,— подтвердил незнакомец.

— В таком случае мне оно ни к чему. Я сказал вам, что не знаю этого языка.

— Что же мне передать полковнику?— сердито спросил незнакомец.

Я улыбнулся.

— Привет, если мы с ним когда-нибудь встречались, только привет и наилучшие пожелания!

Незнакомец задумался.

— Не хотите ли вы с ним... встретиться? — не совсем уверенно спросил он.

— А разве этот самый... как его... полковник Жернов здесь? — удивился я.

— Ну, это неважно,— неопределенно ответил незнакомец.— Я вас спрашиваю: хотите вы с ним встретиться?

— А почему бы и нет? Если мы действительно встречались, мне приятно будет возобновить наше знакомство.

— Хорошо,— решительно сказал незнакомец.

Минуты две или три он молчал, что-то соображая, потом передернул плечами и отчетливо проговорил:

— Хорошо, вы с ним встретитесь. Завтра вечером я за вами зайду. Только никому об этом не говорите. Будет хорошо, если вы достанете машину. Шофер не нужен, я вас отвезу и привезу, но в крайнем случае можно

Продолжение. См. «Огонек» №№ 20—24.

обойтись без машины. Скажем, часов около девяти. Что вы на это скажете?

— Хорошо,— сказал я.— Это несколько таинственно, но я люблю приключения.

В конце концов мне нечего было терять. Если это провокация, решил я, мне легко будет отговориться. Немцы знали, кто такой Блейк, и вполне естественно, что Блейк мог пытаться установить связь с русскими. Блейк мог даже заявить, что собирался выдать русских шпионов немцам, начать свою службу у них, так сказать, не с пустыми руками. Все это можно было сделать в том случае, если это провокация. «Ну, а вдруг я на самом деле увижу Жернова? — подумал я.— Может быть, именно он осуществляет связь с рижским подпольем или руководит партизанами и координирует их действия? Все может быть. Тогда было бы непростительно отказаться от этой встречи. Жернов перебросит меня к своим, и я снова окажусь в рядах армии...»

— Значит, завтра вечером,— повторил незнакомец. Он доверительно придвинулся ко мне.— Надо полагать, что за вами тщательно наблюдают,— негромко сказал он.— Я постараюсь увильнуть от слежки, а вы придумайте что-нибудь, чтобы оправдать свое отсутствие. Нельзя предвидеть все случайности. Мы можем задержаться за городом до утра, и не надо, чтобы ваше отсутствие привлекло внимание...

— Хорошо, я постараюсь,— согласился я.

Незнакомец испытующе посмотрел на меня и встал.

— Я могу на вас положиться?

— Да. Вечером, один, с машиной и полное молчание.

Всю ночь раздумывал я о предстоящей встрече.

Хотя она казалась маловероятной, тем не менее мысль о свидании с полковником Жерновым волновала меня...

Жернов являлся моим непосредственным начальником. Это был типичный офицер-академик. Человек большого образования и высокой культуры, он почти весь свой век провел в стенах военных академий и штабных кабинетов. Молодой офицер царской армии, он оказался в числе тех русских офицеров, которые сразу же после Октябрьской революции перешли на сторону Советской власти. Некоторое время он воевал на фронте—сперва на Восточном, потом на Южном,— потом попал в штаб и здесь обрел свое призвание. Из штаба армии его перевели в штаб фронта, из штаба фронта — в генеральный штаб. Вступил в партию, окончил академию, остался в академии преподавателем, стал профессором и лишь за несколько лет до войны вернулся на штабную работу. В генштабе он занимал ответственный пост и, помимо своей основной работы, много помогал нам, молодым офицерам...

Но представить себе Жернова в полевых условиях и тем более в условиях партизанской войны я не мог. Да и возраст его был уже не таков, чтобы находиться на переднем крае...

Однако случиться могло все!

Хотя, конечно, не исключена была и возможность провокации. Имя Жернова вполне могли использовать в качестве приманки, на которую можно было меня взять...

Да, всю ночь раздумывал я, действительно ли мне доведется встретиться с полковником Жерновым или это всего-навсего провокация и мне, если я не погибну, придется выкручиваться, изворачиваться и доказывать, что я согласился встретиться с русским полковником Жерновым только для того, чтобы выдать его немцам...

Однако вряд ли незнакомец стал бы предупреждать меня о слежке и советовать найти объяснение для своего отсутствия, если бы он был провокатором...

Это было бы ему просто не нужно, хотя он мог это сказать с целью вызвать к себе больше доверия.

Так или иначе, но, принимая предложение незнакомца, я должен был обезопасить себя со стороны Янковской и Эдингера, вернее, со стороны ищеек возглавляемого им учреждения.

Свой маневр я решил начать с начальника гестапо. В случае, если против меня затевалась провокация, он себя как-нибудь да выдаст, когда я предупрежу его о своем отсутствии, думал я. У меня составилось впечатление, что это был характер театральный, склонный к эффектам. Эдингер, рисующийся своей проницательностью, мог бы играть благородных отцов в старинных мелодрамах. Стоит мне соврать, думал я, как он не удержится от удовольствия вывести меня на чистую воду...

Начать следовало с Эдингера, и, если мой незнакомец не подослан гестапо, я надеялся до чего-нибудь договориться и даже сослаться затем на Эдингера, чтобы оправдать свое отсутствие в глазах Янковской.

Я с утра созвонился с Эдингером по телефону, и на этот раз мне не пришлось заходить в комендатуру: меня ждали у подъезда и тотчас проводили к нему — очевидно, мистер Блейк серьезно интересовал немцев.

— Господин обергруппенфюрер, я много думал над вашим предложением,— заявил я ему с места в карьер.

— Отлично,— одобрил Эдингер.

— Я думаю, мне следует активизироваться,— продолжал я.

— Это тоже правильно,— согласился Эдингер.

— Поэтому я хотел бы иметь немного больше свободы.

Эдингер испытующе посмотрел мне в глаза.

— Выскажитесь,— попросил он.— Я не совсем понимаю, чего вы хотите.

— Не скажете же вы, что я предоставлен самому себе? Вы ведете за мной очень тщательное наблюдение.

— Нет, не скажу,— согласился Эдингер и, подумав, откровенно признался: — Мы изучаем вас, но я не сказал бы, что очень тщательно. Некоторые из ваших девушек работают у нас, но...— Он провел рукой по столу, как бы смахивая невидимые крошки.— Но все это не то.— На его лице появилось мечтательное выражение.— Девушки!.. Я не знаю, чем вы там с ними занимаетесь, но не думаю, что ради них вы провели в Прибалтике несколько лет.— Он повел усиками, точно таракан.— Вы хороший конспиратор, господин Блейк. Я должен признаться, мы не знаем о вас ничего существенного, поэтому мы и решили установить с вами контакт.

Я мысленно поблагодарил своих посетительниц; надо полагать, они добросовестно информировали немцев о наших свиданиях, и так как, по существу, им было нечего обо мне сказать, немцы считали, что я хорошо скрываю от них свою истинную деятельность.

— Так о какой свободе вы говорите, господин Блейк? — поинтересовался Эдингер.

— В данном случае о свободе передвижения,— сказал я.— Я буду откровенен с вами, господин обергруппенфюрер. Вы буквально блокировали меня в Риге, а мне необходимо связаться с Лондоном.

— Кто же вам мешает? — любезно осведомился Эдингер.— Вы так ловко устраиваете свои дела...

— Вот поэтому-то я и не могу выполнить свое намерение,— с досадой подчеркнул я.— Не считайте меня мальчиком. Если бы я держал рацию у себя дома, вы давно бы меня запеленговали. В том-то и дело, что моя рация заморожена.

— Ваша рация в Риге? — поинтересовался он.

— В окрестностях Риги. Я хочу снестись с Лондоном, возникнуть, так сказать, как феникс из пепла. Возможно, там меня даже похоронили. А потом... потом мы продолжим наш разговор...

Эдингер снова пошевелил своими усиками.

— Вы толковый парень, Блейк, но вам не удастся меня провести,— самодовольно произнес он.— Я знаю, о чем вы будете говорить с Лондоном. Вы скажете, что вас вербует немецкая разведка.— Он хитро посмотрел на меня, желая знать, какое впечатление произвели на меня его слова.— Но мы... мы не возражаем против этого.— Легкий смешок вырвался у него.— В этом есть своя логика. Запрашивайте, запрашивайте инструкции. Вам посоветуют согласиться. Пусть английская служба знает, что вы связаны с немецкой разведкой, это обеспечит вашу безопасность со стороны англичан, а работать вы будете на нас: умные люди всегда работают на победителя.

Я молчал, как бы пораженный проницательностью своего будущего шефа.

— Поэтому отправляйтесь и размораживайте свою рацию,— продолжал Эдингер.— С моей стороны помех не будет.

— Но я не хотел бы, чтобы меня сопровождали невидимые спутники. Доверие за доверие, господин обергруппенфюрер. Или вы доверяете мне, или вряд ли мы с вами договоримся.

Эдингер добродушно засмеялся.

— Вы все хитрите, Блейк, вы боитесь, что я воспользуюсь вашей рацией помимо вас. Но я действительно считаю вас своим коллегой и окажу вам доверие: мы освободим вас от наблюдения.

Разумеется, он мне нисколько не верил и с удовольствием упек бы меня в какой-нибудь лагерь смерти, но уж слишком заманчиво было для немцев завербовать английского разведчика.

— Итак, вы можете ехать куда хотите,— согласился Эдингер и предусмотрительно добавил:— В радиусе... в радиусе... ну, скажем, сорока — пятидесяти километров...— Он опять посмотрел на меня со всем возможным добродушием.— Надеюсь, вы не захотите бежать? — И сам тут же ответил:— Нет, вы достаточно благоразумны. Во-первых, вам не прорваться, во-вторых, в этом нет смысла...

Он был убежден, что разведчик такой квалификации, как Блейк, не захочет выйти из игры.

— Я попрошу вас еще об одной любезности,— небрежно сказал я.— Я скажу госпоже Янковской, что уезжаю из Риги вместе с вами.

Эдингер ответил вопросом:

— Побаиваетесь ее?

Я пожал плечами.

— Не слишком, но не хочу посвящать ее во все дела.

— Вы умница, Блейк,—похвалил меня Эдингер.— Вы понимаете, что никто в Риге не осмелится интересоваться мною.— И доверительно добавил: — Эта дама малосимпатична, и я бы давно прибрал ее к рукам, но у нее сильные покровители...

Подробнее он не высказался.

— И еще одна деталь, господин обергруппенфюрер,— обратился я к Эдингеру, пользуясь его хорошим настроением.— Какой-нибудь документ, пропуск, который я смогу предъявить, если мною кто-нибудь заинтересуется.

— О, это не представляет трудностей! Я выдам вам корреспондентский билет. Вы будете художником местной газеты...

Он отдал распоряжение приготовить для меня удостоверение, и я, не заходя ни в какие редакции, получил его тут же, в канцелярии.

Удача моих переговоров объяснялась тем, что у Эдингера не возникало ни малейшего сомнения в подлинности Блейка!

Встретившись с Янковской, я сказал, что ненадолго уезжаю из города.

— Мне понадобится машина. Я буду признателен вам, если вы отдадите ее сегодня в мое распоряжение.

— Что ж, машина ваша, вы вправе ею распоряжаться. Но куда это вы собрались?

— Недалеко,— лаконично ответил я.— Хочу немного проветриться на лоне природы.

Янковская испытующе посмотрела на меня.

— А я не могла бы вас сопровождать?

— Нет, — решительно возразил я.— Ведь вы сами говорили, что мистер Блейк посвящал вас не во все свои тайны.

Она посмотрела на меня еще настороженнее.

— Это тайна? — многозначительно спросила она.

— Как вам сказать?..— замялся я.— Я не вижу в этом особого секрета, но меня просили не посвящать вас.

По-видимому, Янковскую осенила какая-то догадка, она внезапно села за обеденный стол — мы разговаривали в столовой,— подперла голову ладонями и задумчиво посмотрела на меня.

— Послушайте...— нерешительно сказала она. Я видел, что она колеблется, не знает, как меня назвать.— Послушайте... Андрей Семенович... Вы... я не хочу вам зла... Вы... вы собираетесь бежать?

Я снисходительно на нее посмотрел.

— Видите ли, Софья Викентьевна, вы впервые задаете мне неумный вопрос. Если бы я собирался бежать, я бы поостерегся ставить вас об этом в известность...— Я усмехнулся.— Вас слишком терзает женское любопытство, и, пожалуй, лучше его удовлетворить. Я собираюсь прогуляться за город не с кем иным, как с начальником гестапо господином Эдингером!

— Но зачем же вам тогда нужна машина? — быстро спросила Янковская.

— Если мне не изменяет сообразительность, господин Эдингер намеревается устроить встречу Блейка с кем-то, кого он считает одним из моих сотрудников,— тут же нашелся я.— Как мне кажется, я играю до некоторой степени роль приманки, поэтому я и должен ехать на своей машине. Эдингер будет лишь сопровождать меня...

Янковская бросила на меня быстрый подозрительный взгляд.

— А что, если я сейчас позвоню Эдингеру? — вызывающе спросила она.— Что вы на это скажете?

— Прошу вас,— небрежно сказал я, хотя мне совсем не хотелось, чтобы она разговаривала с Эдингером: кто знает, какие между ними были отношения и что мог он ответить ей.

Она решительно прошла в кабинет и позвонила Эдингеру.

— Господин обергруппенфюрер, у меня к вам просьба,— обратилась она к нему капризным тоном избалованной женщины.— Я приглашаю господина Берзиня провести сегодня вечер в ресторане, но он говорит, что должен сопутствовать вам в какой-то поездке. Не могли бы вы его освободить?

Я беспечно посматривал на Янковскую, хотя на самом деле чувствовал себя очень тревожно: я не знал, что ответит Эдингер, и не был уверен, что он меня не подведет. Но,

должно быть, уж очень ему хотелось завоевать Блейка!

Янковская опустила трубку.

— Нет, вы не обманули меня,— удовлетворенно произнесла она и вдруг со свойственной ей быстрой сменой настроений раздраженно выкрикнула: — Только он напрасно пытается выключить меня из игры! — Она помолчала и как-то угрожающе, с явной целью произвести на меня впечатление, добавила: — Этот Эдингер излишне самостоятелен... Что ж, посмотрим...— Она задумчиво покачала головой.— Смотрите, Андрей Семенович, не переигрывайте, послушайте моего дружеского совета. Может быть, вы и впрямь входите во вкус этой игры, но Эдингер не та лошадь, на которую ставят опытные игроки.

Больше Янковская не сказала ничего, но я видел, что она встревожена моей намечающейся близостью с Эдингером. Она сохранила мне жизнь отнюдь не для того, чтобы я вырвался из-под ее влияния.

Когда она ушла, я выглянул в окно: машину она оставила у подъезда.

Вечером я сел у окна. Мой вчерашний посетитель появился на улице около девяти часов; он шел настолько уверенно и непринужденно, что мои подозрения вспыхнули с прежней силой. Идти так, как шел этот незнакомец, могут только люди, абсолютно убежденные в том, что за ними не следят, что за ними некому и не из-за чего следить.

Неужели Эдингер разговаривал со мной для отвода глаз, а на самом деле немцы ведут на меня облаву и загоняют в приготовленный капкан?

Тем временем вчерашний посетитель приблизился к дому и скрылся в подъезде.

Предупреждая его звонок, я сам пошел открыть дверь: мне не хотелось, чтобы его видела Марта. Но, как нарочно, Марта находилась в передней, она чистила коврик, постеленный перед входной дверью.

Раздался звонок, и Марта открыла дверь.

— Заходите, пожалуйста,— вежливо сказала она и посторонилась, уступая гостю дорогу.

Мы поздоровались.

— Все в порядке? — весело спросил незнакомец.

— Как будто,— неопределенно ответил я.

— Поехали? — спросил он.

Я кивнул и обернулся к Марте:

— Если завтра заедет госпожа Янковская, передайте, я вернусь поздно.

— Хорошо,— отчужденно произнесла Марта, сняла с вешалки мое пальто и, подавая его мне, сказала уже другим, более приветливым тоном: — Добрый путь вам, добрый путь, господин Берзинь.

У нас с Мартой установились ровные и, я бы сказал, спокойные отношения. Она делала свое дело, я жил своей жизнью, мы не мешали друг другу. Она производила хорошее впечатление,— занятая всегда какой-нибудь работой, она не обнаруживала интереса к моим занятиям, но...

Кто мог поручиться, что Марта не приставлена ко мне, кто мог поручиться, что немцы или англичане не платят ей деньги за то, чтобы она держала мистера Блейка под соответствующим надзором?

— А если я экстренно для чего-нибудь понадоблюсь, мы будем в ресторане «Эспланада»,— сказал я на всякий случай.— Хотя госпоже Янковской лучше об этом не говорить.

Пистолет Блейка был у меня в одном кармане, кастет, который я стал носить по совету Янковской,— в другом.

— Поехали,— сказал я.

Мы спустились вниз.

Незнакомец кивнул на машину.

— Поведу я?

Я открыл дверцу.

— Садитесь, я сам поведу машину.

Мы сели, двинулись, и в этот момент, когда я, по существу, отдался в руки своему спутнику, мне почему-то почувствовалось, что никакой он не провокатор, не враг и не шпион, а действительно капитан Железнов...

Нельзя, конечно, руководствоваться в жизни одной интуицией, она может (да и как еще!) подвести в самый решительный момент, но нельзя и полностью ею пренебрегать: нередко необъяснимое чувство симпатии или антипатии способно направить наши шаги в нужном направлении.

Подумав о том, что мой спутник на самом деле советский офицер, я как-то успокоился и вместо того, чтобы предаваться всяким тревожным мыслям и колебаниям, сразу сосредоточился на внешних впечатлениях, что особенно важно для того, кто ведет машину по улицам большого, многолюдного города.

Наступал вечер, улицы редели, все спешили разойтись по домам, неторопливо шагали лишь немецкие офицеры; на каком-то углу стоял патруль и проверял у прохожих документы; из окон кафе доносились звуки музыки и какие-то выкрики...

Словом, жизнь в оккупированной Риге шла своим чередом.

Я вел машину не торопясь: в Риге не торопились только победители, и чем медленнее вел я свою машину, тем меньше подозрений мог возбудить.

Со своим спутником я почти не разговаривал; говорить по-английски не хотелось, говорить по-русски было опасно.

— Куда ехать? — коротко спросил я его.

— В сторону Межапарка.

Этот громадный парк, больше напоминающий тщательно ухоженный лес, составлял гордость рижан и был излюбленным местом прогулок, пикников и спортивных состязаний. Но в этот военный вечер в парке не было никого, лишь где-то в глубине, в самой чаще, стояли, если верить сведениям посещавших меня девушек, орудия противовоздушной обороны.

Миновали Межапарк.

— А теперь? — спросил я.

— Теперь мы поменяемся местами.— Мой спутник заговорил по-русски.— Дальше машину поведу я.

Он напрасно пытался поймать меня, я решил соблюдать осторожность до конца.

— Я вас не понимаю,— упрямо повторил я по-английски.— Напрасно вы считаете меня русским.

— Ну и выдержка у вас! — одобрительно пробормотал он по-русски и перешел на английский язык.— Дайте мне руль, придется петлять, я доберусь быстрее.

— А если я не дам?

— У вас просто ничего не получится,— ответил он спокойно.— Вы не сможете здесь ориентироваться...— Он улыбнулся и доверительно опять сказал по-русски: — Положитесь на меня.

Я пожал плечами, и мы поменялись местами.

— Теперь держитесь,— сказал мой спутник.— Поиграем немножко в прятки...

Он начал кружить по дорогам, мы ехали то в одну, то в другую сторону, быстро проезжали мимо одних хуторов и медленно мимо других; потом он резким рывком свернул с дороги и остановился за каким-то домом.

Было тихо, мой спутник выглянул на дорогу — нигде не было никого.

Поехали дальше.

Так он проделывал несколько раз, сворачивал с дороги, останавливал машину и ждал. Но мы ни разу не заметили, чтобы нас кто-нибудь преследовал.

Потом он опять начал петлять; помчались по одной дороге, свернули на другую, приблизились к какому-то хутору, подъехали к какой-то мызе и неожиданно въехали в раскрытые ворота.

— Вылезайте,— быстро сказал мой спутник.

Я вылез. Он загнал машину в раскрытый сарай, вышел во двор и закрыл распахнутые двери. Во дворе было пусто.

— Приехали? — спросил я.

— Нет, нет. Будем ждать.

Но долго нам ждать не пришлось.

Вскоре во двор въехала грузовая машина. Шофер выглянул из кабинки, увидел нас. Рядом с шофером сидела какая-то женщина, они оба по-латышски поздоровались с моим спутником.

— Быстро, быстро! — крикнул шофер.

Мой спутник указал мне на кузов.

— Залезайте скорее,— пригласил он меня.— Не подводите людей.

Мы залезли в кузов, он был заставлен бидонами из-под молока. Раздвинув бидоны, мы опустились и незаметно устроились между ними.

Не успели мы сесть, как машина выехала обратно, обогнула хутор, понеслась по дороге.

Мы никуда и нигде уже больше не сворачивали.

— Что это за машина? — спросил я.

— На ней возят молоко в офицерскую столовую в Риге,— с усмешкой ответил мой спутник.— Машина проверенная.

Внезапно, как и все, что происходило этой ночью, шофер затормозил, и машина остановилась у обочины дороги.

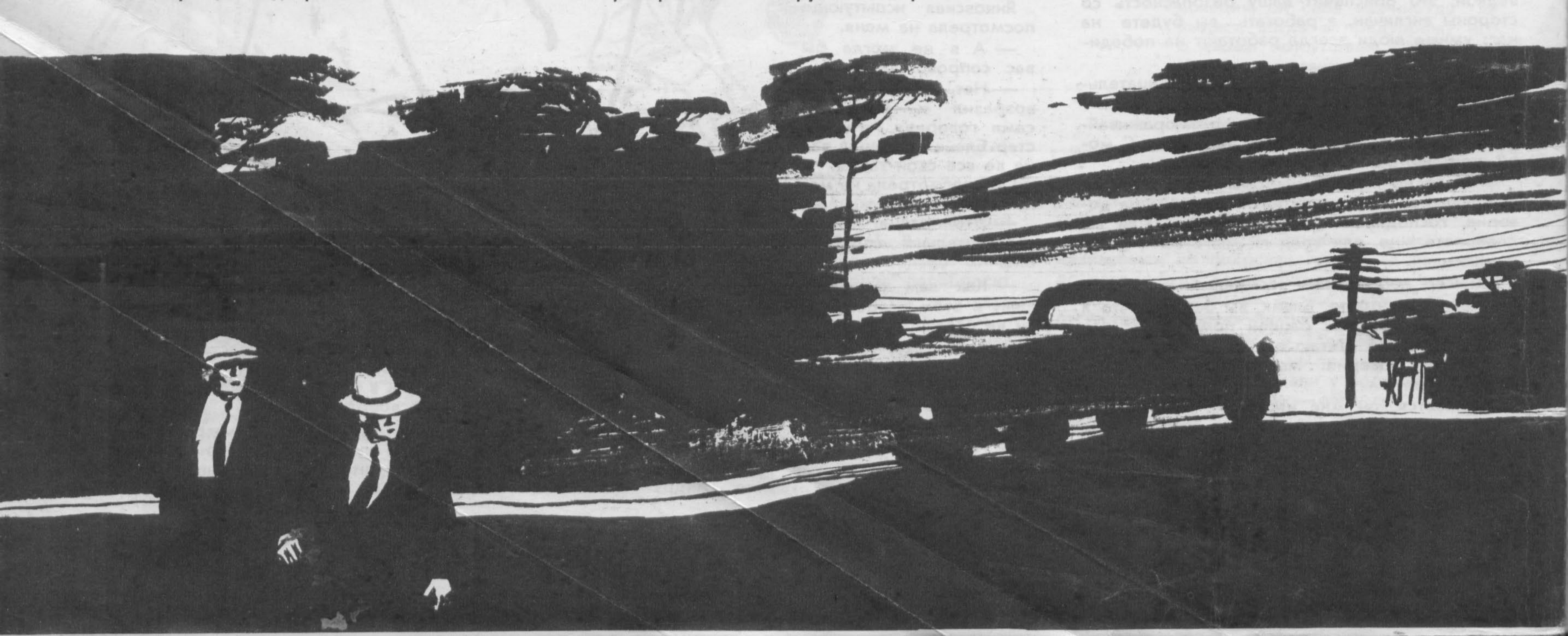
— Прыгайте,— сказал мой спутник.

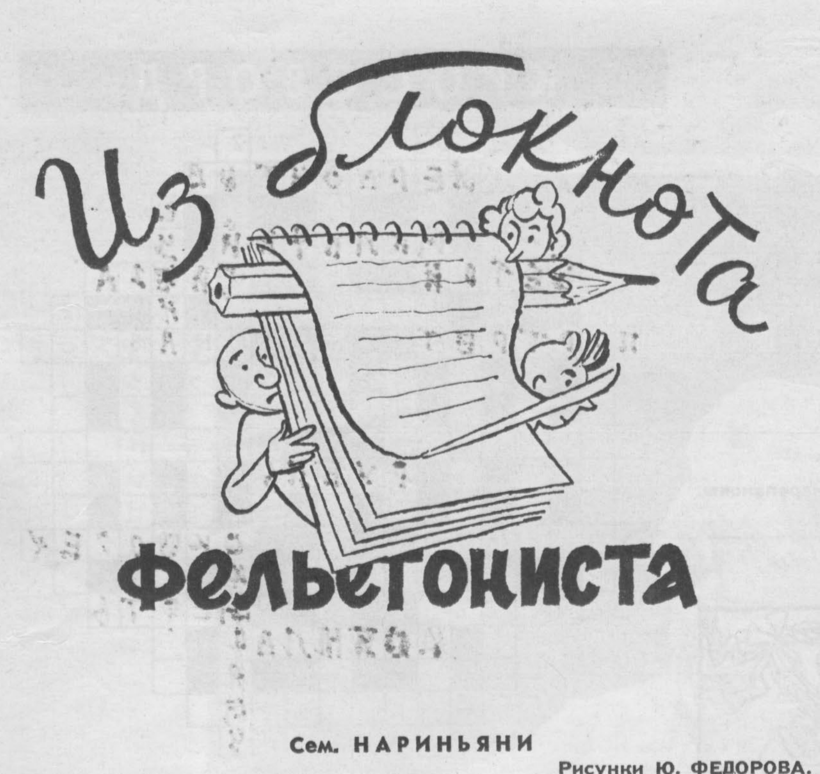
Мы спрыгнули в дорожный кювет, прямо в непросохшую грязь.

— Спасибо! — негромко крикнул мой спутник.— Все в порядке.

И машина тотчас помчалась дальше.

Продолжение следует.

Из блокнота фельетониста

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

В № 16 «Огонька» опубликованы отрывки из записных книжек Сем. Нариньяни. Мы печатаем вторую подборку записей фельетониста, куда входят цитаты из нелепых документов, смешных писем, выдержки из «напечатанного» и «ненапечатанного», заметки о встречах, услышанных разговорах.

НЕОЦЕНЕННЫЙ

Инструктор горсовета Регусин замучил председателя облисполкома заявлениями на своих сослуживцев. Председатель вызвал к себе Регусина и сказал:

— А вы, батенька мой, самый настоящий интриган.

— Правильно, — обрадовался тот, — но этого в нашем городе, к сожалению, никто не ценит.

ВЫПИСКА ИЗ АНКЕТЫ

— Какие награды вы имеете и за что?

— Награжден гитарой на конкурсе самодеятельности Фрунзенского района Москвы.

ТРИ ОБЪЯВЛЕНИЯ

«Без предварительного снятия шкуры убой свиней запрещается».

Из районной газеты.

«Плановый обмыв больных горячей водой по субботам».

Записано в санатории.

«Открытая столовая закрывается. Здесь открывается закрытая столовая».

Записано в 1942 году.

НА БУЛЬВАРЕ

— Если ты, Мишенька, будешь шалить, дядя милиционер заберет тебя.

— Не бойся, мальчик. Тебя я не заберу. Но вот если твой папа снова начнет пугать тебя милиционером, его я заберу обязательно.

ПОСЛЕ ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ Г.

— Спасибо, профессор, за беседу.

— Не за что. Я дал только кости, а суп вам придется варить самому.

— Хорошие кости — это хороший суп.

— Не всегда. Хороший суп — это прежде всего хороший повар.

ИЗ МИЛИЦЕЙСКОГО АКТА

Вот документ, авторы которого подвергались суровой, но справедливой критике на городском собрании работников милиции:

«В городское отделение милиции обратился гражданин Сырцов с жалобой, что в окно его квартиры был брошен камень, чем якобы был нанесен ему мат. ущерб на сумму 117 рублей. С целью проверки, может ли брошенный камень нанести столь серьезный мат. ущерб, мною, младшим лейтенантом Бубрик, был проведен следственный эксперимент, протокол которого прилагается ниже.

«Протокол следственного эксперимента 1955 года, августа 27 дня. Я, оперуполномоченный отдела уголовного розыска младший лейтенант Бубрик, совместно с участковым уполномоченным Клещевым и в присутствии самого потерпевшего Сырцова в доме последнего, произвели следственный эксперимент. Для чего через открытое окно с улицы участковым уполномоченным Клещевым был брошен камень в гостиную комнату. Падающий камень попал в зеркало трюмо, разбив последнее на семь больших кусков и пятнадцать маленьких. Второй камень—кирпич—был брошен через открытое окно на кухню и попал в шкаф с чайной посудой. В этот момент жена потерпевшего Сырцова выскочила из дома и, подстрекаемая мужем, начала срамить участкового уполномоченного Клещева и меня, младшего лейтенанта Бубрик, бранными словами, как-то: «недотепы», «ненормальные», «лычки понавешали, а ума не нажили». Вследствие чего я, Бубрик, вынужден был приостановить следственный эксперимент и оштрафовать потерпевшего Сырцова и его жену Сырцову за оскорбление должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей на сумму 25 рублей. В чем и составлен настоящий акт. Подлинное подписали... (следуют подписи)».

ОДЕССКИЕ БОЛЕЛЬЩИКИ

Надпись на дверях «Гастронома»:

«Магазин закрыт на футбол».

Разговор у ворот стадиона.

— Тетя, пропустите.

— Без билета не могу.

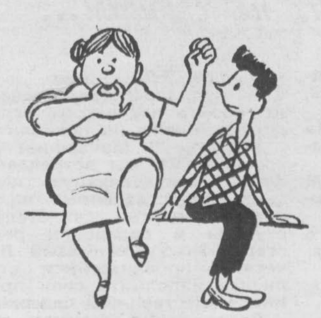
— Хорошо, я уйду. Но тогда ваши проиграют.

— Бог с тобой, проходи. А то еще сглазишь.

Реплики на трибунах

— Тетечка, чего вы все время свистите?

— Не трогай ее. Это мать левого края.

КОГДА!

К известному русскому врачу и педагогу пришла мать с грудным ребенком и спросила:

— Профессор, моему ребенку девять месяцев, когда я должна начать его воспитание?

— Вы опоздали ровно на девять месяцев, — сказал профессор незадачливой матери.

УСЛЫШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

Одна минутка

— Вы сказали министру, что его хочет видеть по серьезному делу инженер Высоцкий?

— Сказала.

— Мне всего на минутку.

— Сказала и про это.

— Ну, и что ответил министр?

— Министр ответил: «Когда инженер Высоцкий будет располагать большим временем, тогда я его и приму. А с делом, которое можно разрешить за минутку, ходить к министру не нужно. Для этого достаточно обратиться к заведующему канцелярией».

Детская непосредственность

— Сашенька, деточка, кто тебе больше всего понравился в зоопарке?

— Ты, мамочка, и баба Женя.

Шишнадцать

— Вчера мы ходили просить деньги на премирование членов промартели.

«А вам сколько?» — задал вопрос секретарь райкома. «Шишнадцать тысяч»,— ответил председатель.

— Ну и что сказал вам секретарь?

— Секретарь сказал: «Пока ваш председатель не научится правильно говорить по-русски, артели сподручнее просить на премирование не «шишнадцать», а пятнадцать или семнадцать тысяч».

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Писатель Б. — очень осторожный человек. Ему говорят:

— Смотрите, луна на небе.

Б. удивляется, как будто впервые слышит про луну:

— Луна на небе? Господи, как интересно. И кто бы мог подумать!

НЕСКОЛЬКО ВЫДЕРЖЕК ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

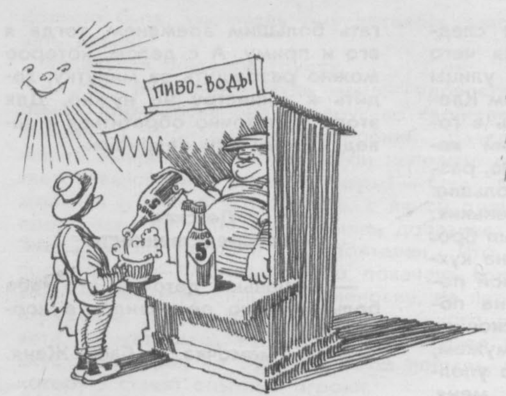
«Прошу редакцию ответить, может ли носить усы комсомольский работник районного масштаба?»

«Зная его особенности — склонность к спиртным напиткам, — наш коллектив поддерживал его, благодаря чему в настоящее время тов. Веселовский больше уже не пьет».

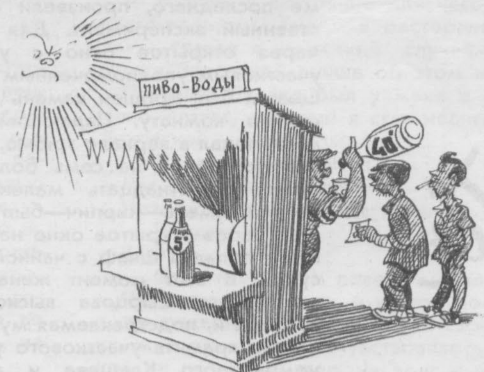
«Уважаемая редакция! Я родитель, как и все родители нашей Родины, имеющие детей от одной и более жен, прошу у вас совета...»

«Дорогая редакция! Обращаюсь в ваш адрес впервые. Прошу объяснить мне путем отпечатывания статьи в газете, что было в нашей встрече с Зиной: любовь или увлечение?»

«Дорогая редакция! Жена моего родного брата вздумала пойти на маскарад в костюме Адама».

5 градусов на солнце...

и 40 градусов в тени...

Л. и Ю. Черепановы.

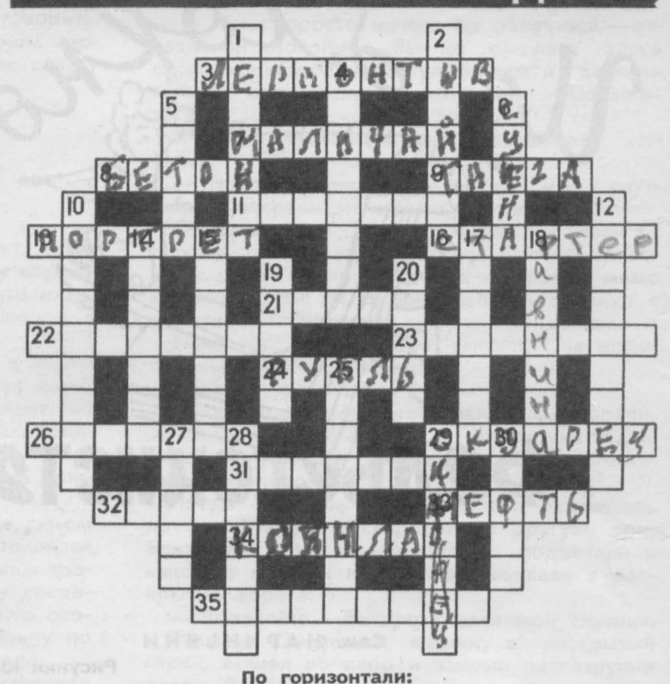
— Гони, Вася, гони!

— Васенька, не разбейся!

Л. Самойлов (Рига).

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Русский поэт. 7. Однолетний сорняк. 8. Усовершенствованная дорога. 9. Леса в поймах рек. 11. Опера Б. Сметаны. 13. Стенная живопись. 16. Устройство для запуска двигателей. 21. Картина И. К. Айвазовского. 22. Осенний сорт яблони. 23. Медоносные растения. 24. Старинная монета. 26. Столица Венесуэлы. 29. Перелетная птица. 31. Быстрый темп в музыке. 32. Чешский писатель. 33. Жидкое горючее. 34. Одичавшая лошадь. 35. Почва влажных субтропиков.

По вертикали:

1. Одноактная шутка А. П. Чехова. 2. Творческое соревнование. 4. Подлинник. 5. Посадочные элементы самолета. 6. Место театрального действия. 10. Ценный пушной зверек. 12. Роман Э. Золя. 14. Искусственное орошение. 15. Казацкое поселение. 17. Архипелаг коралловых островов в Тихом океане. 18. Ровная земная поверхность. 19. Основное население одной из скандинавских стран. 20. Жанр азербайджанской песни. 25. Механизм для передвижения грузов. 27. Герой севастопольской обороны в Крымской войне. 28. Приток реки Урал. 29. Артист цирка. 30. Созвучное окончание стихов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

4. Самообразование. 7. Колба. 8. Ботаник. 9. Армюр. 11. Майн. 12. Плимутрок. 13. «Труд». 14. «Сестры». 19. Олонхо. 22. Маятник. 23. Радиометр. 24. Фармацевт. 26. Кулибин. 27. Ватман. 29. Дарвин. 33. Каяк. 34. Пропорция. 35. Крым. 36. Ясень. 37. Никотин. 38. Мидия. 39. Соотечественник.

По вертикали:

1. Карбонат. 2. Катапульта. 3. Либретто. 5. Орбели. 6. Вектор. 7. Комиссаржевская. 10. Радиоастрономия. 15. Студент. 16. Ротонда. 17. Нактоуз. 18. Витамин. 20. Лопатка. 21. Неверов. 25. Кисловодск. 28. Макинтош. 30. Реквизит. 31. Зрение. 32. Сияние.

Не торопимся, не спешим...

В начале июня подписчик получает майский, 9-й номер журнала «Советский экран», подписанный к печати 25 апреля.

Получает и удивляется сообщению: «На экраны страны выходит фильм «Восемнадцатый год»...

— Как же выходит? Уже давно вышел! И уже все семейство посмотрело эту картину!

Не торопится редакция двухнедельного журнала «Советский экран» сообщать читателям кинoновости!

Не торопится с выходом и другой солидный орган — журнал «Искусство».

В опоздании выхода в свет журналов «Советский экран» и «Искусство» повинны и типографии, в которых они печатаются.

Но, может быть, опоздание возмещено ярким содержанием вышедших номеров?

На отличной бумаге, с хорошими иллюстрациями выходит журнал «Искусство». Приятно взять его в руки.

Зато читать этот журнал крайне затруднительно.

Однообразны, унылы его статьи. Никто ни о чем не спорит, ни малейшего признака страсти не обнаружим мы в отписках журнала по поводу различных событий, происходящих в искусстве. Г. Портнов, рассказывая в № 1 о работах украинских художников, пытается разобраться в картине Г. Мелихова «А. М. Горький на Украине». «Пусть не все удалось Мелихову, не все характеры выявлены в одинаковой мере, но, во всяком случае, самый образ Горького значителен и решен по-своему». Какой вывод можно сделать из этого умозаключения? Решительно никакого. Это, видимо, и требуется редакции журнала, стремящейся, елико возможно, обойти все острые углы, никого не обидеть и никого не похвалить.

В статье В. Макаревич об искусстве Литовской ССР мы встречаем такую изящную фразу, составляющую квинтэссенцию статьи: «Представленные на выставке тематические полотна свидетельствуют о новой ступени в овладении реалистическим мастерством художниками Литвы, радуют отчетливо проявившимся стремлением живописцев наполнить свои произведения глубоким общественным содержанием».

Разве таким языком можно писать об искусстве?

В статье «Обогащение и развитие традиций» (№ 2) М. Пожарская весьма уместно привела высказывание Станиславского: «Лучше всего, когда в искусстве живут, чего-то домогаются, что-то отстаивают, за что-то борются, спорят, побеждают или, напротив, остаются побежденными».

Но, воздав должное мысли великого художника, редакция журнала, видимо, полагает, что к ней все это решительно не относится.

Не удивительно, что за последний год спрос на журнал «Искусство» уменьшился, а тираж его снизился.

Н. НИКОЛАЕВ

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин Н. К. Рериха и четыре страницы цветных фотографий.

РОДОДЕНДРОН ПОНТИЙСКИЙ

Рододендрон понтийский растет в альпийском поясе Кавказских гор. Ползучие стволы его, достигающие четырех — пяти метров, сползают вниз по склонам, а плотные кожистые листья образуют блестящие ковры. Цветы рододендрона, лилово-сиреневого цвета, с многочисленными крапинками посредине лепестков, собраны в шаровидные соцветия. Размножается рододендрон семенами, но очень часто семена не успевают вызреть из-за раннего снега.

Дикие сеянцы, привезенные с гор, хорошо акклиматизировались в условиях Москвы. Они теневыносливы, но зимой нуждаются в укрытии. Рододендрон может быть рассажен в садах и скверах городов.

Т. ГОРДЕЕВА,
научный сотрудник Главного ботанического сада АН СССР

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05308. Подписано к печати 11/VI 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 634. Заказ № 1356.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

И. Г. Онищенко. СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Скульптура установлена в Рязанском драматическом театре имени С. А. Есенина.

Цена номера 2 руб.

